

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Ксения Цыганкова

СЕЗОН
ЛЕТАЮЩИХ
НОЖЕЙ

ПРИЗРАКИ
НЕ ПОМОГУТ

Ксения Цыганкова

Сезон летающих ножей

«ЭКСМО»

2021

Цыганкова К.

Сезон летающих ножей / К. Цыганкова — «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-155864-2

Сотрудники передачи «Третий Глаз» – проекта, где за звание лучшего ясновидящего между собой соревнуются 9 человек, привыкли к смертям. Однако только к тем, которые произошли с родственниками или друзьями гостей, приглашенных на программу. Когда во время съемок умирают работники телепроекта, младший редактор Валерия Донская и эксперт по общению с призраками Захиб Нургалиева решают выяснить, кого на самом деле стоит бояться всем, кто работает в редакции «Третьего Глаза»

ISBN 978-5-04-155864-2

© Цыганкова К., 2021
© Эксмо, 2021

Ксения Цыганкова

Сезон летающих ножей

В горле неприятно першило, и девушка пожалела, что не взяла с собой бутылку воды. Это, наверное, пыль, прилетевшая из приоткрытого окна и на несколько минут смело поселившаяся у нее в горле. Вот же глупо: она на автомате надела свои любимые туфли, хотя знала, что обратная дорога пойдет не через бетонные улицы и бульвары, а через лесные тропинки. Ничего, у нее получится. Возможно, вызовет такси, но не из-за опасности заблудиться. Местность она знает довольно хорошо: несколько лет назад она планировала купить одну из квартир в этом районе, который должен был разрастись до целого мини-городка. Самое страшное, что может случиться – это поломка каблуков. Единственное, о чем действительно нужно переживать, это как правильно довести дело до конца: дать мужчине понять, что она имеет власть разрушить дело его жизни, если он сделает неправильный выбор.

– Как я уже сказала, у меня есть документы, прошу вас внимательно подумать о моем предложении.

Водитель разглядывал свою пассажирку больше с интересом, чем со страхом. И девушке стало легче от того, что она взяла с собой все бумаги, доказывающие вину ее собеседника. Пусть сам посмотрит, убедится, что она не играет в игрушки.

– Вы меня шантажируете? – спросил мужчина, но в его глазах отражалась лишь забава – такая, которую можно увидеть на лицах родителей, когда их неумелые дети пытаются вести себя как взрослые.

Если бы он знал, на какие жертвы ей пришлось пойти, чтобы достать все эти документы: как она решила инсценировать кражу дорогой вещи, чтобы устроиться в это дьявольское место, как взяла себе чужое имя и чужую фамилию, чтобы собрать ценный материал. Сколько раз ей нужно было затушить пожары собственной совести в своей душе...

Водитель не выглядел так, будто ее угроза на самом деле его напугала. Она пожалела, что надела брючный костюм ярко-красного цвета. Нужно было выбрать что-то более серьезное: черное или серое. Почему она не умудрилась подумать о своем внешнем виде, отправляясь на это randevu?

– Сделайте, как я прошу. Или ваши грязные трусы увидит вся страна. Я напишу обо всем. Мужчина внимательно оглядывал место встречи из окна автомобиля.

– Вы на самом деле готовы променять вашу личную карьеру на эфемерное счастье людей, с которыми вы даже ни разу не встречались?

Пассажирка не ответила, решив, что ответ очевиден.

– Я вижу, мне вас не переубедить, будь по-вашему.

Девушка удивилась, не поверила своей удаче. Неужели ее собеседник решил сдаться так легко? Он даже не хотел пытаться ее переубедить или предложить ей взятку?

– То есть вы... вы сделаете, как я сказала?

– Иначе вся страна увидит мои грязные трусы, – он положил ладонь на ручку коробки передач. – Мне вас подбросить до дома? Где вы живете?

– Спасибо, я сама могу дойти. Прогуляюсь.

Закрыв дверь авто и поправив свой пиджак, она направилась к домикам, стоящим неподалеку. Выйдя на единственную дорогу, пролегающую через деревню, она свернет на шоссе и вызовет такси. Ей не хотелось, чтобы водитель знал, где она живет.

«И зачем я только взяла с собой все эти бумаги? – думалось ей, пока она шагала по рыхлой земле. Он даже не пожелал на них взглянуть, чтобы удостовериться, что я не вру. Это ничего, главное – я добилась своего! Жалко, что моей карьере это никак не поможет, но у меня впереди еще вся жизнь!»

Водитель же, сидевший за рулем, внимательно наблюдал за тем, как его пассажирка медленно отдалялась от машины. Никто и никогда не был в силах заставить его поступать наперекор собственным желаниям. И этот день не был исключением.

* * *

Хмурое сентябрьское небо было затянуто тучами и грозило окатить Москву немилосердным дождем в любой момент. Машины и автобусы, не обращая на злую погоду никакого внимания, пытались двигаться дружным потоком по узеньким улочкам. Утро начиналось медленно и лениво. Валерия вынырнула из станции метро и быстрым шагом направилась к огромному серому зданию, своим видом походившему скорее на тюрьму, чем на помещение, где расположился телеканал «Весенний».

Лера, незаметно проскользнув через главный вход и турникеты, едва заметно улыбнулась от мысли, что она покупает зелье, способное расшевелить ее усталый от недосыпа мозг. Держа латте в руке, она посмотрела на часы. Еще 15 минут, но лучше всего прийти заранее и сесть рядом с окном. Наблюдать за передвижениями людей с 8 этажа гораздо увлекательнее, чем сидеть на совещании, уставившись в желтую стену перед собой.

Зал медленно наполнялся людьми: все они осторожно приносили с собой кофе как неотъемлемую часть своей униформы, грели о бумажные стаканчики руки и бесконечно проверяли телефоны в надежде успеть ответить на все важные сообщения до начала совещания. Ровно в 10 Маргарита Васильевна, первый секретарь Калинина, встала со стула за овальным столом и с учительским видом подняла свой смартфон вверх:

– Звук, – железным тоном объявила она, и так же недовольно оглядев всех села обратно за ореховый стол.

Стол и стулья, расставленные по периметру зала, служили наглядным пособием по иерархии этого места. Те, кто был незаменим, имели собственные сидения и поверхность, на которой можно было писать, не укладывая бумаги на коленях.

Валерия, прислонившись щекой к окну, нехотя оторвала взгляд от желтой иномарки, которая пыталась перехитрить желтый свет светофора, и с грустной готовностью повернулась к своим коллегам.

– Так, – начал Виталий Михайлович, генеральный продюсер, оттого восседающий на самом козырном месте, из которого можно было видеть всех присутствующих и здоровенный монитор, не поворачивая шеи, – начнем с рейтинга. Рита?

Алеутская услужливо взяла пульт и нажала пару кнопок. По залу прокатился слабый намек на разочарование. График показывал цифры, которые убивали настроение всякого, кто работал на телевидении.

– На 17 процентов ниже, чем в позапрошлую субботу, – мрачно прокомментировалувиденное Калинин и обратился к залу, – что у нас было на федеральных каналах?

– На первом был прощальный концерт Пугачевой, на втором – юбилейный выпуск «Юмор и страна», – четко, как будто заученно ответил Михаил Быстров, младший помощник заведующего по реквизиту, коллега Валерии и ее друг.

– Прощальный? Она разве не прощалась в том году, и за пару лет до этого? – нахмурился Калинин в попытках восстановить забытые факты из карьеры Примадонны.

– Стабильно, раз в год, – пожал плечами Михаил, – одно прощальное турне по стране, одна трансляция прощального концерта по одному из Федеральных.

Калинин поморщился:

– Я еще услышу об этом от рекламщиков. Так, ладно. Образцы пришли?

Не успел вопрос пронзить воздух конференц-зала, Василий Рыков резво вытащил картонную коробку из-под своего стула и галантно поставил ее на царский стол. Из коробки пока-

зались две статуэтки: два шара, чуть больше бильярдных, стояли на изящной ножке. Один шар был покрыт черной краской, другой – серой. На обоих было изображено по синему глазу с длинными золотыми ресницами. Валерия глотнула кофе и попыталась разглядеть новинки, но они находились слишком далеко от нее.

Калинин взял черную статуэтку, а серую заботливо передал Армену Серафимовичу Саркисяну. Официально его пост назывался «исполнительный продюсер», но забот у продюсера было мало и волновало его только одно: не опозорить честь канала, следить за тем, чтобы с точки зрения закона все было чисто и приятно. Калинин своего коллегу уважал и честно считался с его мнением. Оба они знали друг друга много лет, начиная с давних времен учебы на режиссерском.

– Оба образца прилетели из центрального Китая, города Иу. Наш агент смог найти только одну фабрику, которая имеет возможность уложиться в наш бюджет, – продолжал Василий, менеджер по мерчендайзингу, или, как его еще называли за глаза, Начальник барахла. – Внешне оба шара выглядят одинаково, не считая цвета, но они состоят из разных сплавов. В сером больше алюминия, поэтому статуэтка весит столько же, но в диаметре она больше на 13 миллиметров.

Саркисян бесцеремонно забрал шар у Калинина и сощурился в попытках подтвердить разницу в размере. Виталий Михайлович усмехнулся и взял в руки документы, которые пропянул ему Василий.

– При отправке товара в количестве 5000 штук через Нинбо морем одна статуэтка будет оцениваться в 84 рубля.

Саркасян и Калинин в приятном удивлении уставились на менеджера по мерчандайзингу. Менеджер был очень доволен собой. Он потратил два с половиной месяца на этот проект и пообещал Вадиму Михайловичу чудесные результаты.

– Что скажешь, Ар, – Калинин вернулся к документам, – какую возьмем? Мне черная нравится.

– Мне тоже, – подтвердил Саркисян, – как-то солиднее. Черное – оно со всем сочетается. Что с розницей?

– Изначально можем начать продажи на сайте, – предложил Василий, взгляном скользя по залу, по лицам тех, кто был свидетелем его замечательной работы. – 500 рублей за глаз? Отправка за счет клиента. Раскручивать будем как амулет, заряженный энергией конкурсантов, лекарство от простуд и страданий. Прикладывать к больному месту, ставить в самую людную зону в доме. Отпугивать демонов и недобрых призраков.

– 500 рублей – маловато, – щелкнул языком Калинин и обратился к присутствующим. Все энергично закивали в ответ.

– 800? – несмело предложил Василий, – Если пойдет хорошо, можно пустить рекламу бегущей строкой во время программы: «Не упусти шанс купить глаз, зараженный энергией любимого конкурсанта!».

– Начнем с 800. Как по ведомости пройдет?

– Как сувенир, – тихо, почти шепотом ответил Рыков.

– Сувенир? Почему не амулет? – Калинин нахмурился и снова стал вертеть круглые шары в руках.

– Товар приезжает из Китая, адвокаты сказали, лучше провести как сувениры. Так безопаснее будет. Но в инструкции можем тогда писать все, что угодно.

– Так, решено, – Калинин поставил перед собой два глаза. Они были так криво нарисованы, что казалось, смотрели в разных направлениях. – Начальная поставка – 2000, – Рита старательно записывала новые решения, чтобы позже превратить их в официальные документы, – спасибо, Василий.

Менеджер по мерчандайзингу довольно улыбнулся и поплыл обратно на свое место у стены, прихватив с собой коробку.

– Дальше. Что у нас Августой? Кто ею занимается? Аня или Лиза?

Анна и Елизавета, сидевшие вместе, заерзали на своих стульях, не ожидая столько снимания к себе. Лиза поднялась и неуверенно затеребила край своего блокнота:

– Я, Виталий Михайлович.

Маргарита вовремя щелкнула пультом и на экране возникла фото женщины около 30 лет. Каштановые волосы обрамляли ее лицо, которое искрилось детской невинностью. Одета она была в синие джинсы и клетчатую рубашку.

– Какая это Августа? – словно у неба вопросил Калинин. – Это Маня из соседнего подъезда.

– Я ей предложила тогу и браслеты позолоченные, сандалии тоже, не холодно еще ведь... Но она сказала, что и без костюма может в астрал войти...

– Не надо предлагать, – деликатно вставил Саркисян, – надо поставить перед фактом. Она контракт подписала. Ты в следующий раз с бумажками приди. Она их читать не будет, они никогда ничего не читают, понятия не имеют, что подписывают. Твоя задача напомнить. Она у нас с кем советуется?

– С Зевсом и Герой, – проскулила Лиза.

– Ну вот. Весталка не может ходить вот так, как простая смертная – в джинсах и кроссовках.

– Если еще раз откажет, – перебил Армена Калинин, – пусть ее агент звонит мне. Больше ни в одной серии ее не будет. Артемида хренова.

Лиза поджала губы и медленно опустилась на свой стул. Анна с участием сжала ее ладонь. Валерия отвела виноватый взгляд: никто не мог терпеть, когда Калинин отчитывал кого-то перед всем коллективом. Понедельник был самым противным днем недели именно из-за этих публичных собраний.

– Дальше, – Виталий Михайлович надел очки. – Жертвы.

Мысленно попросив у Бога помощи, Валерия поставила пустой стаканчик на пол и вышла к столу. Выложив на стол несколько фото стопкой, девушка вцепилась взглядом в лицо Калинина. За почти три года работы с ним она научилась за доли секунды понимать его реакцию: едва поднятая левая бровь – непонимание, малозаметный прищур серых, постоянно ледяных глаз – глубокая задумчивость. Прикусывание тонкой, как нить, нижней губы – отчаянная попытка понять собеседника и несогласие с ним.

Саркисян и Рита деликатно вытянули шеи. Фотографий было несколько, но все они были не для слабонервных. На каждой из них было запечатлено преступление, точнее, его результат: жертва, нашедшая свою негаданную смерть слишком рано. Калинин задумчиво теребил ручку в пальцах правой руки. На снимке он наблюдал девушки, которая лежала на асфальте. Глаза ее были неестественно раскрыты и смотрели в небо. Из рта – еще детского, помявшего вкус клубничной жевательной резинки и мороженого – вытекала струйка крови. Девочка была похожа на сломанную куклу, брошенную на пол избалованной хозяйкой.

– Елена Фролова, 15 лет, – монотонно сообщила Валерия, не заглядывая в свои бумаги. Она научилась запоминать имена, даты, события, чтобы всегда иметь их наготове для совещания. Хотя детали этих ужасных событий стирались у Валерии из памяти после записи очередного выпуска, лица со зловещими этих фото оставались с ней надолго, медленно мучая ее, будто по праву взимая непосильную мзду за ее труд. – Александра Фролова, одинокая мать, поздно пришла с работы, в четвертом часу ночи. Три месяца назад. Дочери дома не было. Через 15 минут кто-то заорал на улице. Лену нашли под балконом. Следов борьбы и насилия нет. Конфликтов в семье не было. Следов посторонних в квартире не обнаружено. Фроловы живут на 7 этаже. Красноармейск.

Валерия перевела взгляд на несчастную куклу с распахнутыми глазами. Никогда она не пойдет на выпускной. Не выйдет замуж. Не заведет котов, детей и собак. Не состарится. Не будет ходить на рынок за помидорами и не возьмет кредит в банке. Саркисян глубоко вздохнул и отодвинулся подальше. Ему лично эта часть совещания нравилась меньше чего. Была бы его воля, он бы надел наушники и поиграл в тетрис на своем телефоне. Но пост требовал от него внимания к деталям – не дай Бог посрамить честь канала «Весенний»!

– Прохожих нашли? – по-деловому осведомился Виталий Михайлович.

Валерия кивнула:

– Нашли, живут в том же доме. Также есть друзья и одноклассники.

Друзья и одноклассники есть у всех, но в контексте совещания «есть» означало «готовые прийти на программу и пообщаться с участниками проекта».

Калинин снова кивнул, и Валерия, поняв его команду, услужливо сняла первое фото со стопки. На этом снимке был запечатлен молодой человек, сидевший на земле, спиной оперевшись на серую стену обшарпанного кирпичного дома. Руки его были в крови, лица видно не было, подбородок касался грудной клетки и делал всю эту скульптуру смерти еще более грустной.

– Константин Левый, 34 года, – моментально отреагировала Лера, – возвращался домой после работы, охранник в местном магазине. Два ножевых ранения в живот. Бумажник и телефон на месте. 4 месяца назад. Климовск.

Не дожидаясь нового кивка, Валерия убрала второе фото. На секунду ей показалось, что Калинин замер – настолько напряженно он смотрел на это изображение.

– Наталья Ветрова, журналистка, 29 лет. Не замужем. Что делала в последние месяцы, неизвестно. Умерла от травм, нанесенных автомобилем. Бумажник и украшения нашли на месте, телефон пропал. 3 месяца назад. С нами связалась ее младшая сестра. Москва.

Лера старалась не вглядываться в фото слишком внимательно. Ее работа требовала объективности и здоровой доли цинизма, однако было тяжело отречься от трезвой реальности, когда в пол одиннадцатого утра в понедельник на совещании тебе приходится видеть мертвое тело знакомой когда-то души.

– Дальше, – железным тоном отдал приказ генеральный продюсер и снова заиграл ручкой. Валерия сняла снимок Натальи, тем самым оставив последнее фото перед лицом начальника.

– Виктория Добычина, 27 лет. Умерла от ножевого ранения в живот внутри недостроенной многоэтажки. 3 месяца назад. После того, как наступила смерть, на ее груди была вырезана странная геометрическая фигура: круг и несколько черт внутри него. Судя по экспертизе, тем же лезвием, которым был нанесен удар. Острых конфликтов не имела. Была сорванцом в школе, но после окончания исправилась. Поступила в ССУЗ. Работала кондитером. Нам написала ее мать. Жуковский.

Калинин разложил 4 фото на столе. Правильно выбрать жертву для испытания было необыкновенно важным делом. Отпугнуть телезрителя кровавыми снимками трудно, люди и не такое нынче наблюдают в кино и новостях. Чем надо цеплять, так это захватывающими историями, мелодрамами из реальной жизни, мексиканскими страстями и бразильскими поворотами судьбы.

– Кто есть?

– У Фроловой – мать. У Левого – жена. У Ветровой – сестра. У Добычиной – мать и коллега, возможно и муж подключится.

– Кто из них самый рабочий?

Валерия помедлила с ответом, закусив губу и заново оценивая разговоры по скайпу со всеми вышеперечисленными. Кто из близких родственников будет рыдать на камеру лучше всего? Кто будет глотать слезы от непереносимой боли утраты и закрывать красное

лицо руками? Кто сможет дать наилучшее представление убийственного горя и невыносимой утраты? Кто будет эффектнее всех выглядеть на экране?

– Ветрова, – еле слышно ответила Валерия.

Саркисян громко вздохнул: когда уже эти противные мертвые фото снова спрячутся в папку Леры? Калинин нахмурился.

– Давай Добычину, – решил он и повернулся к Рите.

– Но почему? – возразила Валерия, обычно такого себе не позволяя. Задавать начальству вопросы, ответы на которые нижним слоям производства не понять, было непозволительно, – Ветрова работала в известной газете. У нас много свидетелей ее характера. Она живет в Москве, не нужно будет заказывать гостиницу для матери. Может получиться очень интересная история.

Рита сделала страшные глаза. После совещания она научит Донскую разговаривать с начальством такого масштаба. Проработать в проекте больше двух лет и позволять себе такую расхлябанную вольность! Присутствующие на стульях тоже напряглись. Оспаривать решения Калинина было недальновидно.

Виталий Михалович спокойно выслушал доводы своей подчиненной и откинулся на спинку кожаного кресла:

– За бюджет эпизода не переживай. Справимся. Поди, не зря нас смотрят 35 миллионов человек каждую неделю. Журналисты нынче народу не интересны. Бабушки переживать не будут. История Ветровой совсем пустая. Чем она занималась – никто не знает. Верно? Родная сестра мало что сообщила. У кого брать интервью? Кто разъяснит, где она пропадала перед смертью? У тебя пара дней, чтобы ответить на все эти вопросы. Я сомневаюсь, что мы найдем что-то сочное.

Валерия опустила глаза в пол. Верно.

– Терять время мы не имеем возможности. А у Добычиной такая красивая история: неряха в школе, а после – настоящий лебедь. Может, еще и мужа затащим, он прольет пару мужских слез.

Мужские слезы по важности ценились больше женских, особенно заснятые камерой с правильного угла и при должном освещении.

– К тому же, кровавый круг на ключице… У нас давно не было сатанинских ритуалов, – продюсер ткнул колпачком ручки в снимок Добычиной как бы в доказательство своих мудрых слов. Валерия молча признала свое поражение и собрала фото со стола. Армен Серафимович заметно приободрился.

– Женя, личные рейтинги.

Евгения Митроханова вспорхнула со своего места как бабочка, которая устала сидеть на одном и том же цветке. Она взяла пульт у Риты, одарив ее очаровательной улыбкой, и встала у монитора, словно ведущая прогноза погоды после новостей.

– За 5 минут до начала совещания на первом месте стablyно держалась Захиб, – на экране возник список из восьми фото. Самое первое принадлежало женщине лет 40, с темными волосами, высокими скулами и ярко-красными губами. Карие глаза пронзительно смотрели перед собой сквозь изображение. Казалось, что эта особа, как Мона Лиза, следит за своим трепетным зрителем неустанным взором.

– 38 процентов «за», – задумчиво пробубнил Саркисян, – Виталия, давно у нас такого высокого личного рейтинга не было.

Калинин неслышно согласился, вцепившись в монитор отреченно-изучающим взглядом. В такие моменты Валерии было видно особенно явно, с какой невероятной скоростью вертелись в голове ее начальника шестеренки и другие составные детали его ума.

– На втором – Раджеш, – продолжала Женя, элегантно возведя свои белоснежные руки и указав на фото мужчины, брюнета с красной точкой на лбу, одетого в белую тунику и темные

штаны. Ботинок на конкурсантке не было. Он голыми ногами стоял на полу, сложив ладони рук вместе, будто в молитве.

Вышеупомянутая Августа, любительница джинсов и кроссовок, радостно глядела на всех присутствующих с третьей позиции.

– Дальше, соответственно, Клеопатра, Святомир и Олег «Друид». Последний – Вельзевул. Два выпуска подряд у него 6,5 процентов.

Вельзевул был бледен, худ и на вид очень хлипок. Его темно-синие волосы скрывались под черной вязаной шапкой с вышитой золотой перевернутой звездой. На шее у тезки Сатаны виднелось множество серебряных цепей различной толщины, и было непонятно, как он, находясь в такой непышной физической форме, мог ходить с ними, не согнувшись вдвое. Ногти, накрашенные черным лаком, были очень заметны на его белой, почти что прозрачной коже. Лицо его, молодое, не старше 25, не было отталкивающим, но и не располагало к беседе. Глаза, жирно подведенны карандашом, словно тлеющим угольком, блестели одержимым огнем.

6 процентов – это очень плохо, рассудила Лера. Вельзевул не переживет эту неделю.

Калинин неотрывно взирал на список, будто пытался увидеть в нем что-то помимо цифр и фото. Пожевав губы пару минут, он наконец-то изрек:

– Святомир.

Подчиненные, включая оживившегося Саркисяна, тихо ахнули.

– Виталия, с чего ты так? – честно отозвался исполнительный продюсер, – Святомир – такой чудесный парень: добрый, милый, и работает просто обалденно! Все его любят, ценят, тайны ему раскрывают. А этот недоделанный гопник? Противный, как навозная муха! Гони ты эту паскуду в шею!

Зал охотно поддержал Армена Серафимовича активными кивками. Падший Ангел Вельзевул не был любим в этом окружении.

– Нет, паскуда остается, – снова объявил Калинин, и Саркисян театрально прикрыл глаза, но больше спорить не стал. «Умно», – подумалось Валерии.

Спорить с Калининым было совершенно излишне. Не потому, что он великий начальник, ибо великие начальники всего лишь люди и иногда имеют право ошибаться и падать с насиженных лавров. Виталий Михайлович был человеком, который не то, что понимал душу русского телезрителя, но умел пользоваться ей в своих чисто меркантильных, коммерческих интересах. После института режиссер из Калинина вышел неплохой. Учеба не прошла даром, он понял, как необходимы различные сюжетные линии, насколько для правильно рассказанной истории важны отлично подобранные персонажи. Однако проработав больше десяти лет в одном из малосеньких Московских театров, Виталий Михайлович понял, что будущее за телевидением. Именно благодаря ему можно углубиться в настоящую драму жизни, невидимой ниточкой сплести такие ткани и шелка событий, которые войдут в скучную жизнь зрителя и останутся там надолго, запомнятся, обоснуются на диване и еще долго не покинут свой новый кров. Абсолютный гений Виталия Михайловича заключался в том, что он легко мог находить возможность для высасывания денег казалось бы из совсем обыденных проектов. Благодаря знакомствам и связям, первым шоу режиссера была семейная драма про семью купцов в конце 19 века. Сюжетик «Купцов Демидовых» был затасканный, бюджет маловат (актрис просили приносить свои туфли и драгоценности), и руководство канала не ожидало от сериала ничего удивительного. Необходимо было заполнить два часа вечером в среду. «Наклепаешь на сто минут – и на том спасибо», – сказало руководство и попросило закрыть за собой дверь кабинета. Калинин скромно поблагодарил за такой раскошенный шанс показать себя в лучшем режиссерском свете. Сериал был не огонь, рейтинги были хилые и телепались в самом конце списка передач, после программ «Футбольное обозрение» и «Фитнес для малышей». Проблема в том, рассуждал про себя Калинин, вяло наблюдая, как студентка первого курса пыталась изображать истерику и горе, что история уж больно затасканная: одна и та же повесть

про девушку, которую обманули, обрюхатили и решили бросить на произвол ее несчастной купеческой судьбы. Зрителю было скучно. Не было ни побегов, ни дуэлей, а из пикантных сцен были только поцелуи в губы типично советским способом: сложив губы трубочкой и еле коснувшись губ партнера.

И тут на Виталия Михайловича сизошло озарение, первое из череды дальнейших. Необходимо вовлечь зрителя в процесс истории, избавиться от вялости сюжета и заезженных до мозолей типажей поведения персонажей. А как лучше всего дать миллионам людей голос? Дать им номер телефона, по которому они смогут позвонить и помочь залетевшей от подлого любовника Зиночке Демидовой принять верное решение и спасти свою потасканную честь.

Калинин тут же, на съемочной площадке, в перерывах между сценами набросал черновик своей задумки. Позвонил в пару отделов: бухгалтерский, адвокатский, коммуникационный. Дальше был визит к начальству.

– В конце каждой серии мы будем давать зрителям выбрать ту линию сюжета, которая им больше нравится, – разъяснял режиссер, положив бумаги и отчеты на стол перед руководством. – Зритель будет звонить по одному и тому же номеру, но, набирая во время разговора разные цифры, будет голосовать за различные варианты. В следующей серии тот вариант, который был самым популярным, станет новым развитием истории.

Начальство неторопливо оторвало пухло-розовые лица от бумаг и непонимающие уставились на Калинина.

– Бегущей строкой во время серии необходимо будет указать, что номер московский и за каждую минуту у вас со счета снимется 100 рублей. Операторов нанимать необходимости нет, технически можно обойтись одними компьютерами. На сайте канала можно прописать, что звонить и голосовать можно до воскресенья или понедельника.

Руководство тут же стало умножать в уме количество телезрителей на 100 рублей и заулыбалось режиссеру, как девушка своему красавцу-ухажеру на первом свидании.

– Позвольте, голубчик, – очнулось одно из лиц, – это как же вы будете снимать одну серию за два дня – понедельник и вторник? В среду уже показ, времени не маловато?

Виталий Михайлович немного оторопел и сообразил, что гениальность его идеи была упущена:

– Выбор зрителей – это иллюзия, – медленно, по слогам произнес он, чтобы начальство прочувствовало суть идеи, – они не смогут проверить результаты голосований, потому что их никто не будет подсчитывать и, естественно, публиковать. Мы будем снимать в нормальном режиме, без каких-либо изменений в сценарии.

Упитанные лица отрадно закивали. Делай, делай, голубчик, как считаешь нужным. В конце концов, инвестиций проект требовал минимум: купить несколько компьютеров и записать для звонивших сообщение, которое будет длиться хотя бы 2 минуты перед тем, как зритель сможет отдать свой голос.

Дело пошло. Через пару месяцев рейтинг «Демидовых» мало-помалу пополз вверх, как плесень на влажной стенке. А спустя полгода прибыль от звонков превысила прибыль от рекламы, крутившейся во время серий. Начальство пригласило Калинина обратно в кабинет и вежливо осведомилось, не завалялось ли у него еще каких-нибудь интересных идей? Режиссер ответил положительно, но потребовал новый контракт, уход с «Купцов Демидовых» и добро на начало нового проекта.

Виталий Михайлович решил воспользоваться технологиями, которые стали бесповоротно развиваться после 2010 года. Смски, интернет, сайты, форумы – всеми этими ресурсами необходимо было воспользоваться, научить их работать на себя, вовлечь в жизнь телезрителей. Точнее, телезрительниц. Килинин знал, на ком сосредоточить свои гениальные силы: на женщинах, которые переживали свои серые, безрадостные и одинокие дни через призму телеэкрана. Новое шоу было названо «Рай на Земле», потому что все в нем было красивое,

завораживающее и такое сладкое: юноши с объемными мышцами во всех правильных местах сражались за сердце одной лишь девушки (умницы, красавицы и комсомолки). У девушки привилегии выбора не было: она была лишь куклой в руках тех, кто слал бесконечные смски. Какой наряд Наташа наденет в следующей серии? В какой ресторан она пойдет с Васей (Участник номер 4). Какие блюда они будут есть? Который поклонник будет вышвырнут на улицу? Бесконечные вопросы и такие же бесконечные ответы – казалось, вся созревшая и перезревшая женская аудитория страны волновалась насчет того, какую юбку Наташа наденет в следующее воскресенье. Смски прилетали со всех концов необъятной матушки России, на экране секунды спустя был показан отчет с процентами: какой вариант победил, а какой проиграл. Честную правду о том, что проценты и статистика на экране были созданы еще до выхода эпизода в эфир, знала лишь пара человек. Калинин сам решит, с кем встретиться Наташе, сам подберет для нее юбочку и закажет нужное блюдо. Зрители – они ведь как малые дети, сами не знают, чего хотят, так пусть сидят, тешутся изящной роскошью и блестящими мышцами юношей на своих экранах.

Через несколько сезонов этого удачного коммерческого проекта Калинину стало скучно. Инсценировать драму между участниками, писать им диалоги, репетировать до полуночи, чтобы выглядело так, будто сценария никогда не существовало – все это было интересно в первые два года. Позже его режиссерский труд научились исполнять (точнее, копировать) те, кто крутился вместе с Виталием Михайловичем в павильоне.

– Ухожу, оставляю проект Саше, моему первому помощнику, – уведомил довольное начальство гений.

Лица снова закивали:

– Что теперь, голубчик?

Калинин сам пока не знал, но подозревал, что хочет такое шоу, правила для которого еще не писаны и бюджет не ограничен. Виталий Михайлович взял пару дней отпуска.

– Где это было такое видано, – спрашивала про себя Рита, его секретарь, которая, как преданный верблюд, кочевала за своим хозяином-бедуином из проекта в проект, – чтобы начальник вот так взял и неделю подряд не приходил на работу? Небось, заболел, или мысли иссякли?

Мысли режиссера не собирались иссякать. Стоя в маленькой речушке босиком, держа открытую в гараже двадцатилетнюю удочку, Калинин размышлял о желаниях своей аудитории. Чего мы хотим? Зачем смотрим телевизор, где нам показывают мир, который дружелюбно сидит за нашими окнами? Посмотреть, прочувствовать, отвлечься от своей малозначимой жизни, которая, закончясь она завтра, будет забыта если не детьми, то уж точно внуками. Что вечно? Вселенная. Время. Надежда. Вера. Земная жизнь коротка, а придуманная загробная – бесконечна.

Рыбка заклевала, удочка задергалась, но Калинин не двигался. Где-то в нирване мысли его неслись со скоростью последнего Боинга, далеко, навстречу новому проекту и таким же новым возможностям: дать зрителям приключения, мистику, загадку, надежду, иллюзию контроля. Взамен Калинин просил лишь деньги. Несомненно, сделка была в пользу телезрителей.

И снова его новый проект «Третий глаз» был хитом всех бабушек России, всех ее одиночек и затырканых женщин, которые устали от своих воняющих пивом мужей и подавляющей своей серостью реальности. Пять ошеломляющих сезонов, несколько премий отечественного телевидения и ни одного оплошного решения. Калинин рассыпал своих подчиненных собирать информацию, строить графики, и выстраивал в голове только ему понятный план действий.

Валерия, также как и остальные присутствующие, нервно переводила растерянный взгляд с монитора на Калинина и обратно.

– Вельзевула оставляем, – объявил генеральный продюсер, но причины своего неожиданного решения поведать отказался, – в прошлом сезоне победил Велес: слишком много славянских богов. Пусть уйдет Святомир. Света?

Светлана вскочила со стула вместе со своим недопитым кофе.

– Да, Виталий Михайлович.

– Набросай мне план прощальной церемонии. Посмотри, что у нас там красочно будет смотреться. Шарики-смешарики, банкет, и собери самых рабочих родственников жертв из прошлых серий, пусть поделятся, как он им помог начать новую жизнь, вылечил их простаты и прочее. Все по стандарту. Планируй через две недели, с бюджетом ко мне в пятницу.

– Да, Виталий Михайлович, – снова ответила Светлана и опустилась на место, отчаянно записывая новое задание в блокнотике.

– Какой мальчик, какой хороший мальчик, – тихонько горевал Саркисян, обняв лицо ладонями.

– Не плачь, Ар. Я его в бонусный выпуск приставлю, может быть, засуну в Новогодний Эпизод, если он еще будет в Москве, – режиссер с сочувствием похлопал товарища по спине, – не переживай, такой талант не пропадет.

Саркисян только пожевал щеку и беззлобно махнул рукой в ответ.

– Так, все, – громким голосом объявил Калинин, чтобы те, кто уснул, проснулись и пошли работать, – если есть какие-то вопросы, идем к Рите. Кто у меня был с особым поручением?

Лера подняла руку.

– Чудесно, жду в своем кабинете.

Валерия выкинула измятый стаканчик в урну и резвой походкой направилась к своему рабочему месту. Оставив снимки жертв, она вытащила толстую папку из глубины ящика стола и направилась в личный кабинет начальника. Там ее уже ожидали: Рита, жившая в тени своего босса, и Антон Радеев со своей личной Ритой, которую, вроде как, звали Лариса.

– Как здорово, что все мы тут сегодня собрались, – вместо приветствия противным тоном пропел гость, не отрывая взгляда от телефона.

Калинин ничего не ответил и сузил серые глаза. Валерия встала за спиной режиссера слева, Рита устроилась справа. Обе девушки стояли за спиной начальника, как Ангел и Дьявол позади грешника: с серьезными лицами, готовые к битве. Антон допечатал последнюю смску и убрал смартфон в карман.

– Ну что там у нас опять? – раздражение в его голосе было прикрыто плохо. Или вовсе никак. – В чем проблема, Виталия?

Калинин подал сигнал Валерии, и она, ловко выудив журнал из папки, положила его перед Антоном. Журнальчик этот был хоть и не самый правдивый, но очень популярный среди тех, кто интересовался жизнью звезд (отечественных и прочих). «Ведущий «Третьего Глаза» разбил нос жене», гласила обложка и манила читателя фотографией миловидной женщины, нос которой был заклеен пластырем.

– Ах, – разочаровано выскользнуло у Антона, и он поднял журнал двумя пальцами, будто это была не бумага, а зловонный мусор, – это все?

Калинин медленно, еле заметно покачал головой, не мигая, хищно наблюдая за долговязым гостем, как кобра за жирной мышью. Валерия выложила еще один журнал, менее гадостный, но с тем же заголовком. Потом еще один, потом еще. Последней в очереди оказалась статья на ту же тему из газеты, которая была серьезным источником информации для граждан, имевших не только мозги, но и желание ими пользоваться.

Антон причмокнул и капризно сложил губы трубочкой.

– Не разбивал он ей ничего, прилепнул немного, праздник был, не помню какой... День Санитарного работника, что ли... Самир очень уважает всех работников, и особенно санитарных! Чуток не подрассчитал. Пришел домой поздновато. А Саша стала орать, мол, ты там с девками сидишь, конъяки распиваешь... обычная семейнаяссора, нам лезть туда не за чем... А вам, Виталий Михайлович, стыдно читать такую гадость!

В кабинете повисла тишина. Калинин сидел как памятник, не сводя прищуренных глаз с Радеева. Антон, сложив руки на груди, нервно постукивал пальцами правой руки по левому локтю.

– Я понял, – с театральной усталостью закатил глаза агент, – Лариса, запиши, «попросить Самира больше не разбивать нос жене».

Девушка с деловым кивком, щелкнула ручкой и открыла блокнотик.

– С кем не бывает, – с виноватой улыбкой продолжил Антон, – больше не повторится. Все?

– Три месяца назад он ей ребро сломал, – зло напомнил Калинин, – два года назад ей лоб зашивали. Три стежка.

– Все зажило, Самир заплатил за пластику, все починили, теперь лоб у нее как у молодой козочки! – заверил режиссера агент и достал телефон, чтобы быстренько найти нужное доказательство омоложенного лба Александры, – смотри, Виталя, он ей даже липосакцию купил! Какой обалденный муж! – После этих слов Антон вопросительно взглянул на Риту и Леру, ожидая от них поддержки его комплиментов в адрес актера.

Радеев потоптался на одном месте, засунул руки в карманы.

– Виталя, я могу на него повлиять, но меня не может быть с ним 24 часа в сутки. Ты же знаешь, у него темперамент. Восточный человек, страсти кипят, дела с Александрой в последнее время плохи, она хочет на развод подать, дом отсудить, ты же понимаешь, какой это стресс для талантливого человека...

– 89 процентов зрителей «Третьего Глаза» – женщины, – голос Калинина был тих и оттого еще более зловещ, – это то, что я понимаю. Каждый раз, когда твой недоношенный Аль Пачино мелькает в газетах или новостях, после его имени произносят название моего проекта.

Радеев тихонько присел за стол и стыдливо опустил глаза, как кот, который нагадил не в том месте.

– Ты мне обещал.

Антон молчал и присел в кресло. Оправдываться было стыдно, так как новых оправданий придумать он не мог, хотя любил себе всегда иметь парочку наготове именно для таких моментов. В глубине своей души, ориентированной больше на материальные ценности, чем духовные, Радеев знал, что этого противного разговора с режиссером ему не избежать.

Калинин громко и тяжело вздохнул. Девушки стояли по стойке смирно, глядя прямо перед собой, как отважные и стойкие солдаты своих генералов, в ожидании новых приказаний.

Когда Виталий Михайлович 4 года назад искал ведущего для своего нового шоу, его интересовали несколько видов людей: актеры, певцы, ведущие популярных программ и даже один сатирик. Самир Хамматов не присутствовал в этом списке по той простой причине, что режиссер и Хамматов никогда не пересекались – ни на одном банкете, сабантуе, спонтанной вечеринке после официальной вечеринки и даже ни на одном съемочном павильоне. Радеев сам нарисовался перед Калининым, заверив его, что Самир был бы счастлив поработать с новоявленным маэстро развлекательно-интерактивных шоу Российской Федерации. Виталий Михайлович пожал плечами, дал Радееву свою визитку и разрешил устроить им встречу.

На пробах Хамматов вел себя дружелюбно и довольно раскованно. Тест с камерой прошел чудесно (не зря же каждый актер и ведущий знают свою удачную и неудачную сторону лица), текст читал легко и бегло, делая паузы в правильных местах.

– Вы больше телевизионный актер, чем театральный, – заметил Калинин, – чем вам не по нраву театр?

– В театре количество мест ограничено, – с хищным оскалом голливудской улыбки ответил Хамматов.

Продюсер все понял. Не великое искусство гнало этого актера на сцену, а банальный нарциссизм и деньги. Это не плохо, скорее даже в пользу того, кто эти деньги ему пообещает.

Калинин стал крутить в голове всевозможные комбинации: проект сам по себе новый и интересный. Добавить к этому популярного, талантливого и харизматического ведущего – и у нас получится новый хит. А хиты обычно делятся не один сезон.

Решающим фактором стал опрос знакомых ему женщин. Посмотрев пробы на видео, 29 из 30 ответили, что поверили бы любой информации, сообщаемой Самиром. Две поинтересовались, делал ли он пробы без рубашки. Вопросов у Калинина к актеру было несколько: сможет ли он достаточно времени уделять проекту? (Один сезон требовал около 4 месяцев напряженной работы, так как новый выпуск должен быть готов к показу раз в неделю. Это не считая новогодних и праздничных эпизодов.) Сколько он планирует получить от «Третьего глаза» в денежном эквиваленте? И самый главный – обещает ли блюсти порядочный образ жизни, дабы не замарать своим отвратительным поведением ауру проекта.

Ответы актер дал правильные. Режиссер вежливо закивал и направил те же самые вопросы агенту. Случись что, не с Хамматовым будет разбирательство, а с его представителем. По той же причине, что и учителя в школе ведут разъяснительные беседы не с нашкодившим школьником, а с его родителями.

– Ты мне клялся, что он с кокаина слез еще полгода назад, Антоша, – прошипел Калинин и присел на кресло около агента.

– Он слез, – проблеял Радеев, – я сам под дверьми его комнат в «Опушке» дежурил.

«Опушка» была известна всем тем, кто страдал тонкой душевной организацией в сфере искусства и был подвержен наркотической зависимости. Конфиденциальность и должное медицинское внимание со стороны докторов и психотерапевтов были гарантированы всем, кто хотел исцелиться от демонов современного мира, в частности, кокаина и амфетамина.

– На одной воде его держал неделю, из-за его стонов и нытья сам толком не спал. Никакой наркоты с марта, Виталя, вот те крест! – Радеев попытался перекреститься, но не знал как, поэтому потыкал себя тремя пальцами, сложенными вместе, во все значимые места: лоб, грудь, правое и левое плечо и потом в нос.

– Это его последний сезон.

Агент встрепенулся и взвился со стула.

– Последний? С какого это хрена? – потеряв всю свою набожность, враждебно поинтересовался Антон, – я тебе еще раз говорю, больше не случится! Обещаю, материю родной клянусь! Я Сашку в другую квартиру отсели завтра, в Питер ее отправлю!

Калинин покачал головой. Нет.

Радеев стал бешено соображать, кем еще он может поклясться.

– Лера, – тихонько позвал режиссер свою подчиненную, и она подала ему стопку бумаг с закладкой в нужном месте. Калинин открыл на нужном месте и сунул бумагу агенту в лицо.

«Руководство программы «Третий Глаз» имеет право уволить Самира Алимовича Хамматова за действия, порочащие образ программы и ее репутацию».

Агент вырвал бумаги из рук Калинина и бросил их на пол.

– И кого ты на его место возьмешь? Кто будет сниматься днем и ночью в этих идиотских поединках? Кто будет всегда на первое место ставить эту чушь с призраками и сглазом? Мы тебя засудим! За незаконное увольнение!

Лера поежилась от криков гостя. Его гнев наверняка был слышен вне этих стен, внутри коридора и в помещении редакции, где работает большинство сотрудников проекта.

– Ты, может быть, забыл уже, как Самир отменил отпуск в Таиланде, когда у тебя полетели компы и стерлись все рабочие дубли? Как он, не поехав на день рождения к матери, проработал на юбилейном выпуске ко Дню телевизионного работника? – продолжал кричать Радеев, нервно шагая из одного конца кабинета в другой.

– Не забыл, – спокойно ответил Калинин, – я так же не забыл, что доплатил ему за пересъемку дублей, выдал хорошую премию, на которую он, кстати, купил себе неплохую «бээм-

вэху» и разбил ее по пьяни месяц спустя. Я также не забыл, как он хамит ассистентам. А после работы ломает кости жене.

Радеев внезапно остановился и, подойдя к режиссеру, наклонился так близко, что носы их почти касались.

– Да где бы теперь валялась твоя говнистая программка, если бы не Сам…

Закончить свой вопрос агент не сумел из-за недостатка воздуха в легких и боли в шее, за которую его схватил Калинин. Валерия и Рита наблюдали за происходящим вместе с Ларисой, на лице которой с каждой миллисекундой проявлялось все больше и больше беспокойства. Время текло либо очень медленно, либо очень быстро: в такие моменты трудно понять, когда бить тревогу и начинать делать искусственное дыхание.

Агент немного побелел, а потом посинел. Его руки, детские по сравнению с режиссерскими, пытались освободиться от ладони Калинина, железным обручем обхватившей его трахею. Валерия хотела что-то сделать, крикнуть, попросить Виталия Михайловича перестать убивать агента, потому что неделя эта будет крайне занятая: надо урегулировать кое-какие вопросы с музеем, где будет проходить новый конкурс, одобрить бюджет для родственников новой жертвы и написать сценарий для новых испытаний на следующий раз. Для общения с полицией у начальника совсем не будет времени, значит, агента лучше оставить в живых.

Режиссер, будто сам прокрутивший похожие мысли в голове, ослабил руку. Агент упал на одно колено. Бешено глотая воздух, он потер свою многострадальную шею трясущимися от страха руками и, молча поднявшись и поправив пиджак с рубашкой, удалился из кабинета. Лара, словно высокая тень на каблуках, проследовала за своим боссом.

– Рита, набери мне музей, – спокойно попросил Калинин.

Валерия глубоко вздохнула, переложила папку с бумагами в другую руку и тихо прикрыла за собой дверь кабинета.

* * *

Очереди в кассу казались не такими длинными, и Зинаида, пристроившись в ту, где было меньше всего народа, отключила внимание и отреченно нырнула в свои бесконечные списки.

Так, у Пети кончились все тетради, и хотя школьный год подходил к концу, сын растерял все карандаши, транспортиры, ластики и даже несколько учебников. Что делать с этими учебниками? С чего они такие дорогие, там сусальным золотом, что ли, картинки отделаны?

Очередь сократилась на одного человека и Зина сделала шагок ближе к кассирше.

Что еще? Пару рубашек, из всех штанов вырос, хоть и болел полгода. Несколько футбольок на лето, чтобы бегал в них, пока играет в футбол, если снова не заразится какой-нибудь гадостью. Витамины, как врач прописал, добавки минеральные и еще какие-то, у нее записано, дома на тумбочке лежат, своего часа дожидаются. Вите тоже бы туфли новые, а то свои носит уже шестой год, скоро дырки на пальцах придется заклеивать. В машину сиденья новые, Зина вроде слышала, можно в интернете купить подешевле, сэконд хэнд. Нынче не зазорно: мало того, что экономно, да и планете помочь, мусор лишний не создавать. Так, ипотеку как обычно, это десятого числа, через неделю, у нее в телефоне будильничек стоит, чтобы не дай бог не пропустить…

Только подумав об ипотеке, Зине погрустнела. Витя, хоть и ставший два месяца назад машинистом метрополитена, большой прибавки к зарплате помощника машиниста не получил. Можно было, конечно, попроситься перевестись в старшие бухгалтеры из младших. И вместо 15 операторов обрабатывать 25, но это грозило приходом на работу в 8 утра и уходом в 8 вечера. Петя, такой болезненный и хрупкий мальчик, часто требовал любви и внимания матери. Зина знала, насколько редким является тот факт, что на ее последнем месте работы никому не было интересно, сколько времени бухгалтер проводит в офисе. Самое главное, чтобы к 30 числу

каждого месяца все было подсчитано, подбито, напечатано и сдано в отдел оплаты. И до тех пор, пока Петенька не станет здоровым мальчиком, Зине придется служить младшим бухгалтером и покупать вещи в сэконд-хэнде.

Еще один шаг, потом еще один, и вот она – милая девушка с бейджиком «Жанна» выглядывает из-за кассы, напичканной тысячью малюсеньких кнопочек.

– Здравствуйте, сегодня только тортик? Пакетик надо? Как расплачиваться будете?

Зина полезла в кошелек, толстый и упругий, набитый ненаглядными купюрами. Осторожно, чтоб никто не видел, закрыть его ладонями, выудить 500-рублевую бумажку…

– Спасибо за покупку, приходите еще. Следующий, пожалуйста.

Зина осторожно положила упаковку медового торта в заранее запасенный пакет из дома. Так, теперь домой, шестьдесят седьмой уже ушел. Может быть, на сорок пятый еще успеет, вроде еще и семи нет. Сегодня пораньше управилась, да зарплату получила, можно отметить немного, вот Пете радость будет, медовый тортик-то его любимый, да и Витя сегодня в полночь домой вернется после смены. Тоже порадуется: сладкое все любят.

Женщина вышла из магазина и подставила лицо заходящему апрельскому солнцу. Прищурившись от света, Зинаида довольно улыбнулась, представляя феерическую радость своих родных от этого печеного изделия, и наклонилась немного заглянуть в пакет – удостовериться, что медовик не завалился на сторону.

Внезапно правый бок ее пронзила колющая боль, и Зина, замерев на секунду, зажмурила глаза. Открыв их снова, она осознала, что правая рука ее теперь была абсолютно свободна, и сумочка, вместе с набитым кошельком внутри, отдалась от Зинаиды со скоростью бегущего пацана.

Тортик плюхнулся на тротуар, а его новая хозяйка, имея в голове лишь одну мысль, помчалась за воришкой.

– Держите, держите его! – хотела кричать она всем прохожим, но изо рта ее вылетали отдельные звуки, не понятные никому.

Сердце булькало в горле, весь гул Москвы внезапно умолк, и слышен ей был только ее собственный пульс – настойчивый и такой шумный, что казалось, уши вот-вот лопнут. Пацан бежал легко, как молодая газель по бескрайней саванне. Зинаида же, годами занимаясь только умственной гимнастикой, знала, что догнать этого отброса общества не сумеет. Но сдаваться женщина не собиралась: в сумочке лежал не только кошелек, но и все банковские карточки, ключ от квартиры, телефон и картонная измятая иконка, доставшаяся Зине еще от бабушки.

Пацан резко свернул в один из дворов, нырнув в них, как лиса во время травли собаками. Зинаида поспешила за ним, понимая, что мышцы уже сдают и легкие горят синим огнем, не привыкшие к таким суровым испытаниям. Впереди был лишь ряд домов, и путь пацана лежал через арку, встроенную меж многоэтажки.

– Стой, сволочь, – не то провыла, не то простонала Зина и опустила голову. «Все, не могу больше», – позорно признала она и остановилась, бешено ловя дыхание. Вновь посмотрела перед собой, ожидая увидеть удаляющуюся фигуру поганца.

Внезапно воришка тоже остановился. Перед ним, как вратарь с расставленными в сторону руками, появилась высокая девушка. Зинаида, пытаясь навести фокус зрения, поняла, что спасительница соскочила с перекошенной столетней лавочки, расположенной недалеко от туннеля.

Пацан замер на месте, затем обернулся на Зину, затем снова на эту дылду, и, побеждено бросив сумку на землю, побежал сквозь туннель. Девушка осторожно подняла немного замаранную добычу, отряхнула ее от земли и пыли и направилась к Зине.

– Здравствуйте, – сказала она, – это ваше?

Зинаида отчаянно закивала.

– Да… Мое… Спа… Спасибо… Вам, спасибо Вам, – голос не хотел ее слушаться, говорила она урывками, так как сердце все еще отчаянно билось, осознавая, как близко она подошла к тому, чтобы потерять всю свою зарплату и семейную реликвию.

– Не переживайте, все хорошо, давайте присядем.

Зина снова согласилась, и обе они присели на облезлую лавку, когда-то выкрашенную в желтый цвет.

– Спасибо вам, – еще раз произнесла Зинаида, и на этот раз получилось лучше, – вот паскуда, кто же таких детей выращивает?

– Не за что, – заулыбалась спасительница, – вас как зовут?

Зина, еще плоховато соображая и переводя сбившееся дыхание, трясущимися руками открыла сумку: кошелек, телефон, иконка – все на месте! Слава Богу, есть еще в мире добрые люди!

– Зина. Зинаида Круглова. А вас? – больше из вежливости поинтересовалась она.

– Даша.

Женщина закивала, и глубоко вздохнула, прижимая потрепанную сумку к груди, как Мадонна прижимает своего ненаглядного младенца.

– Даша, да, спасибо вам еще раз… – пробормотала Зина, не зная, что делать дальше. Продолжить разговор или дать спасительнице сто рублей и пойти на остановку?

– Вы, наверное, только что с работы приехали? Домой шли?

– Я? – встрепенулась Зина, – нет, я только из магазина вышла, тортик сыночку купила…

Бедный тортик, пронеслось у женщины в голове, так и валяется на сером асфальте тротуара, никому теперь не нужный.

– А вы? Вы тут живете, в этих дворах? – поддержала беседу жертва малолетнего воришки и покрутила головой, – в котором доме?

И без того слабая улыбка Дарьи моментально увяла:

– Нет. Работала тут рядом, неподалеку. В бюро переводов, 10 минут по улице в ту сторону. Но сегодня меня уволили, – Дарья прикусила губу и замолчала, – работу теперь придется искать. Не знаю даже, с чего начать, страшновато немного. А доченька у меня в сентябре в школу идет, в первый класс. Надо будет учебников, форму школьную… даже не знаю, что делать, где теперь работу искать хорошую. С мужем в разводе, он совсем помогать не хочет.

Зинаида изумленно впилась в блондинку глазами: это же надо, такая красавица и так же страдает, как обычные смертные! И денег, честно заработанных своими трудами, никогда не хватает, и муж, сволочь, небось, пьяница непроглядная, нервы трепет. Небось, еще и соседи-тунеядцы беспокоят, ребенка будят по ночам!

Посидели минутку в тишине. Дворик был уютный. Помимо потрепанной лапочки рядом были клумбы с недавно посаженными ромашками и пара новых деревьев, еще юных и неокрепших.

– А образование у вас какое? – поинтересовалась Зина, так, вроде между делом.

– Английский, французский, 5 курсов лингвистического, – ответила новая знакомая, и вновь обе замолчали, наблюдая за тем, как большое и горячее московское солнце медленно опускалось, притягивая неизбежные сумерки.

Зина, порывшись в кармане куртки, выудила остаток завалившегося там чека, отыскала ручку в сумке и, криво начеркав свой номер, протянула его спасительнице.

– Завтра позвоните мне. Я узнаю. У нас секретарша ушла по семейным на пару месяцев, авось, вас на подмогу возьмут. Я в «Авалоне» работаю. Тут, недалеко, около магазина «Герман».

– Спасибо вам огромное! – пропела Дарья и расплылась в благодарной улыбке.

– Вам спасибо, – еле слышно ответила Зина и, поднявшись со скамьи осторожно, будто боясь растерять свои многострадальные кости, медленно направилась к автобусной остановке. «Как же там мой тортик? – подумалось ей. – Так и остался лежать на сером асфальте тротуара?»

Дарья задумчиво следила за удаляющейся Зинаидой и, вытащив тысячную купюру из кармана, медленно подала ее тому, кто присел рядом.

– Тетя, если еще надо стырить, вы меня там, у фонтана ищите, – посоветовал пацан и, расправив хрустящую ассигнацию, деловито просветил ее на солнце.

Дарья довольно улыбнулась и осторожно спрятала бумажку с номером телефона Зинаиды в кармане пальто, сложив ее несколько раз. А затем, не торопясь, словно смакуя горячее солнце и свежий апрельский воздух, направилась к своей машине, припаркованной в соседнем дворе.

* * *

Монотонный гул работников проекта поприветствовал Валерию после того, как она покинула кабинет начальника. Встреча с агентом ведущего оставила неприятный осадок – грязный и противный, как налет на старом чайнике.

Когда канал выделил помещение для работников передачи, столы и стулья стояли ровными рядами, как у учеников в школе. Калинин же, имея достаточно денег в бюджете, решил избавиться от советской привычки показывать все как есть и не стыдится отсутствия личного пространства. Режиссер сам спроектировал новое расположение столов, решив, что сотрудники проекта будут практически жить в данном здании. Чем уютнее им будет находиться на работе, тем продуктивнее будет их труд. Каждый стол теперь имел небольшую ширму, которая могла передвигаться, так как была на колесиках. Любой теперь имел возможность отгородиться от своих коллег, когда было необходимо, или избавиться от этой искусственной стенки, чтобы насладится видом постоянно бегающих туда-сюда редакторов и менеджеров, сценаристов и помощников.

Валерия бухнула папки на стол и устало свалилась на стул. Ширма ее была сдвинута в сторону, открывая вид на коллег, часто напоминавших ей уж больно занятых пчел, летающих около улья со своими делами.

– Привет, – к ее столу подошел Егор, один из младших редакторов, чьей задачей было ведение переговоров с администрацией города и получение разрешений для съемок на открытых территориях и улицах Москвы, – как прошло?

– Как обычно, – пожала плечами Лера и дальновидно решила не распространяться про то, как Калинин чуть не задушил Радеева на глазах у троих человек в родном кабинете.

– Что там с Коброй?

Валерия лишь вздохнула в ответ. С Коброй дела обстояли без изменений уже три месяца. Егор тоже вздохнул, но искреннего огорчения и разочарования в его вздохе было гораздо больше. Кобра, как по-доброму называли бывшую машину режиссера, миру известна как Форд Мустанг Кобра 1976 года выпуска. Она была угнана 31 мая и с тех пор так и не была найдена. Калинин, имевший особый интерес к винтажным автомобилям, долго мечтал приобрести именно эту модель, увидев ее много лет назад в каком-то журнале, купленном на ночном рынке, запрещенном в СССР из-за распространения среди советских граждан пропаганды капитализма и демонстрации морального разложения Запада. Виталию Михайловичу потребовалось несколько десятков лет, два режиссерских успеха и изощренная сеть контактов, чтобы найти нужную ему модель в США, ввезти ее в Россию, сдать на техосмотр, найти рукастых механиков, починить и поправить винтики и шпунтуники в новоприобретенной металлической лошадке. Результат был сногшибательным и стоил около 80 000 долларов. Больше в Москве никто не имел подобного автомобиля! Мустанг насыщенного синего цвета с двумя белыми полосками, идущими прямо посередине авто через крышу, с надписью «Cobra» по обе стороны низких

панелей дверей стал талисманом всего проекта «Третий глаз». И, конечно, крайне полюбился его сотрудникам (преимущественно, мужской половине). Однако после этого автомобильного несчастья Калинин решил не вкладываться в дорогостоящую машину снова, а приобрел обычновенный внедорожник Ниссан черного цвета.

Особый трепет к исчезнувшей Кобре испытывал Егор, который тоже был влюблён в дорогие винтажные авто.

– Понятно, – с грустью протянул Егор, – может, еще отыщется.

Лера так не думала. Ей было откровенно жалко деньги, которые режиссер потратил на эту груду американского железа, но ее мысли были далеки от Кобры. Валерии предстояло долгое общение с матерью жертвы, одной из тех, кто умер насильственной смертью, и это делало понедельники Донской особенно мрачными.

Вытащив из стопки фотографий жертв изображение Виктории, Лера нашла папку с ксерокопиями документов, полученных от мамы Добычиной: отчеты из полиции и несколько газетных статей.

– Здравствуйте, Ирина Васильевна, – как можно жизнерадостные сказала Лера, услышав «Алло» на том конце, – у меня для вас хорошая новость. Ваше дело было выбрано для участия в проекте.

Ответ мамы был предсказуем, так как большинство людей реагировало почти одинаково: смеялись и плакали вперемешку, благодарили уже заранее, будто считая, что их дело было важнее всего, важнее всех других загадок. «Хорошо, что вы в редакции увидели это и теперь поможете нам разобраться с тем, что на самом деле произошло».

– Ирина Васильевна, мне нужно будет с вами поговорить, обсудить ваш приезд и распорядок съемок, мне также нужно уточнить у вас кое-какие детали о Вике. Когда вы будете дома и мы сможем созвониться по скайпу?

Мама заверила, что дома появится уже через час и сразу же свяжется с редакцией. Валерия закрыла свой стол ширмой и шум зала в ту же минуту стал будто менее настойчивым. Лера отложила папку Добычиной и взяла в руки фото Натальи Ветровой.

Донская откинулась в кресле, не переставая смотреть на изображение. Снимок был сделан фотографом при полиции. Тут ничего не было приукрашено: ни фильтра для сияния кожи, ни добавления излишней синеватости неба. Лишь одно мертвое тело, упавшее в глубокую грязь лицом вниз. Светлые волосы рассыпались вокруг головы Натальи, образовав белое пятно на темном фоне земли и травы. Одета в красивый брючный ярко-красный костюм и черные туфли на каблуках – она явно не рассчитывала ступать по тропинкам этого района, который мог похвастаться лишь остановленными стройками и несколькими десятками домишек сельского типа. Ее лица, разумеется, на фото видно не было, но Лера отлично его помнила. Наталья была из тех женщин, которым не нужна была косметика. Ее ватковые глаза были как два озера, которые затягивали в свою глубину. Блондинка от природы, она ловила завистливые взгляды тех девиц, которые тратили огромные деньги в тщетных попытках поддерживать свою гриву в светло-бежевом тоне. Донская помнила тот день, когда их свел общий знакомый. Лера была на втором курсе журналистского факультета, а Ветрова уже на четвертом. Всегда улыбающаяся, одна из старших редакторов студенческой газеты, она выделялась не только своей яркой славянской внешностью, но и глубоким интеллектом, позволяющим ей писать статьи на темы самого разного диапазона.

Лера снова взяла в руки телефон и набрала Алису.

– Привет, Лис, как дела?

– Ой, Лерка, привет, – зашебетала ее собеседница, – да только вот спать уложила, сейчас на кухню зайду, дверь закрою. Что хотела?

Своей работой младшим редактором проекта «Третий Глаз» Донская целиком была обя-зана Алисе Тишко. Это она перед уходом в декрет порекомендовала свою подругу с инсти-

тута на свое место. Калинин, человек во многом прогрессивный и положительный, часто брал на работу по рекомендациями. Не все понимали этот способ нахождения таланта для своих шоу, но Лера понимала, что психологически для людей это имело большое значение: работать в поту, не ударить в грязь лицом и не опозорить тех, кто тебя порекомендовал. Лера тогда трудилась в газете для садоводов и была невероятно рада уйти на телевидение. Что угодно, лишь бы перестать подбирать 15 синонимов к слову «огурцы» и «огород». Первые несколько месяцев Донская частенько звонила подруге в поисках помощи: как правильно писать отчет о жертве, какие документы требовать от родственников, какие бумаги готовить для совещания в понедельник.

– Ты помнишь Наташу Ветрову? С универа?

– Белоснежку? Конечно, кто же ее забудет? – откликнулась Алиса. Послышался звук воды из-под крана и монотонный стук ножа по разделочной доске, – ужасно, что с ней все так случилось. Я прямо спать две недели не могла. А что такое?

– Нам написала ее сестра. Попросила помочь разобраться.

– Да что ты говоришь? – изумилась подруга, немного перебрав с эмоциями: теперь в ее размеренной семейной жизни мексиканских драм и накала страстей было чрезвычайно мало, – Это же надо, какой ужас… Я ведь и на похоронах даже не была. Когда она умерла? В конце мая вроде? У меня только Витяка заболел, я же не пойду на кладбище с больным ребенком…

– 30 мая. На улице Чудесная, – механически поправила Лера, – Алиса, над чем она работала, тебе Степа не говорил? Ни у кого нет никаких деталей о ее жизни за пару месяцев до смерти. Ни ее мать, ни ее сестра не знают, чем она занималась. Коллеги тоже молчат.

– Степан-то… – протянула Алиса, перестав резать свои овощи, – да нет, вроде. Ты ему сама позвони да узнай. Сейчас я тебе его телефон скину.

– Спасибо, – поблагодарила Валерия и тут же набрала Ларионова.

Степан был однокурсником Натальи и по совместительству одним из хороших приятелей Алисы. Тогда как Валерия больше любила свою собственную компанию, ее подруга вращалась в различных тусовках, понимая, что связи в нашем мире – это неимоверно важно. Насколько Лера помнила, Ларионов был одним из тех людей, которые обожают устраивать всевозможные вечера встреч старых однокурсников, совместно отмечать дни рождения детей, собак, кошек и даже соседей.

– Степан, здравствуй, это Валерия Донская, Алиса мне дала твой номер.

– Лерочка, привет, дорогая, – довольно протянул Ларионов, – ты у нас теперь на месте Тишко, магам да чародеем помогаешь? Как оно, работать с самим гением отечественного телевидения? Праздник каждый день? – в голове его слышалась искренняя радость и небольшая толика иронии.

– Ага, каждую минуту, – Валерия оттолкнулась от стола ногами и на колесиках стула отъехала к огромному окну. Дождик кончился, на Москву сквозь рваные облака смотрело белесое солнце, – я тебя хотела спросить про Ветрову. Вы с ней были друзьями?

– Ах… Наташа… – коротко ответил Степан и Лера услышала всю необъятную грусть собеседника в этом коротком слове, – да, друзьями. Не то, чтобы близкими, но раз в пару недель болтали. Иногда обедали вместе. Мы с ней раньше в одной редакции работали, пока я в «Краски» не ушел.

Наблюдая за бесконечной рекой машин внизу, под окном, Валерия напряглась в попытках припомнить сплетни, которые за бесконечными кофе и быстрыми обедами рассказывала ей Алиса. Степан, никогда не питавший особой страсти к политике и экономике, частенько писал про важностьочных кремов, пользу диеты из соков и радость утренней йоги. Ларионов был счастлив покинуть «Известия Москвы», печатное издание, которое отказывалось публиковать его полезные советы российским женщинам, несомненно, заслуживающим знать то, как избежать морщинок около глаз или как правильно накладывать бронзатор. Теперь Степан

был блогером, который тестировал различные вытяжки против мимических морщин, пробовал самые передовые веганские рецепты и беседовал со столичными знаменитостями об их опыте в медитации.

– А когда ты видел ее в последний раз?

Блогер молчал.

– Степа, это я не для передачи, – заверила его Валерия и зачем-то прошептала, – Калинин сказал, что она не подойдет для конкурса. Все, что ты мне сейчас скажешь, никогда не окажется в эфире.

Лера слышала равномерное дыхание Ларионова.

– Степа, я обещаю, – снова прошептала Лера, но настойчиво, с нажимом. Собеседник сдался после минуты тишины.

– Видел я ее после Нового Года. Пришел поздравить, может, вытащить ее на обед или кофе. У Наташи была жуткая депрессия. Я пытался ей помочь, но она не хотела никого видеть.

Валерия нахмурилась. Ей смутно припоминался скандал, о котором она услышала от нескольких коллег. История эта не была уникальна в мире журнализа и несколько недель муссировалась в соответствующих кругах. Ветрова и ее коллега получили задание от старшего редактора – написать о своем расследовании на тему коррупции чиновника. Наталья, обладая чудесным нюхом и профессиональной интуицией, после нескольких недель изучения данного вопроса смогла найти довольно любопытный материал. Родион Крупской, напарник девушки, помогал, но не очень резво. Он больше предпочитал комфорт своего офиса или даже дома. Когда статья, написанная обоими авторами, была сдана в тираж, имя Наталья Ветровой магическим образом исчезло из газеты и с сайта. Статья наделала много шума, чиновник был уволен, а потом отправлен в места не столь отдаленные. Крупскому же вручили награды за его труды на поприще профессионального журнализа. На справедливый вопрос Ветровой «А где же мое имя, ведь больше половины работы проделала я?» был дан емкий ответ: статья кажется серьезнее, если ее написал мужчина. Да к тому же, вы себя видели в зеркало, девушка? Кто же вам поверит, с такой талией и такой совершенной симметрией лица? Конечно, Наталья получила благодарственную грамоту от «Известий Москвы» и могла повесить ее на любой стенке своей квартиры. Это ли не радость, получить такую бумажку? О чем еще может мечтать блондинка-журналистка с бездонными голубыми глазами?

– На этом фоне она и с Мишой рассталась, – добавил Степан.

– Мишой?

– Они недавно стали встречаться, он фотограф в «Подиуме». Познакомились в конце лета. Наташа была настолько расстроена, что даже из постели перестала вылезать. И сестра ее пыталась разострять, и мать. И мы все старались, – Ларионов глубоко вздохнул, пересматривая последние воспоминания об ушедшей навсегда подруге, – но она никого не хотела видеть. Телефон отключала. Дверь не открывала. А потом позвонила мне в начале апреля.

– Зачем?

– Я думал, с днюхой меня поздравить, а ей нужен был номер Омикрона.

– Кого? – не поняла Лера.

– О-микро-на, – по слогам повторил Ларионов, – друг моего друга, так скажем. Помогает с определенными проблемами…

Донская от волнения сжалась телефон:

– Какими проблемами?

– Иногда журналистам нужны бумаги, паспорта, водительские права, прописки и прочие вещи. Ты же знаешь, теперь документы везде требуют, на каждом шагу… С его бумажками за границу не выедешь, но для бабушек на скамейках вполне сойдет.

– И ты дал ей контакт Омикрона?

– Ну конечно же, дал. Она вроде как от своей комы очнулась, стала говорить, как нормальный человек: цельными предложениями, а не отдельными словами, как пятилетний ребенок. Я подумал, может у нее новый проект. Новые планы, новая жизнь...

Степан снова замолчал. Новая жизнь не случилась. Наталья умерла через два месяца после этого разговора.

– А со мной ты телефончиком Омикрона не поделишься? – спросила Валерия, но знала, что ответ будет отрицательный. Не заработала она этот контакт. Не была в близких друзьях у Ветровой. А со Степаном до этого говорила лет 6 назад, еще в институте.

– Нет, Лерочка, ты уж извини, парень мне и так пистон вставил за то, что я ей помог: что Наташа пользовалась его услугами прямо перед своей смертью. Менты к нему не пришли, но страшно ему было ужасно. Бедняга, нажил себе новую язву.

Лэптоп Леры издал раздражающий писк. Это была мама Виктории Добычиной, готовая к долгому разговору.

– Тогда окажи мне последнюю услугу, Степ, – Валерия снова оттолкнулась от подоконника и подъехала на стуле к компьютеру. «2 минуты, пожалуйста», написала она Ирине Васильевне. – Спроси у Омикрона, какие конкретно бумаги она просила его подделать. Сможешь?

– Смогу, Лерочка, – простодушно ответил блогер, – но не думаю, что скоро. Наш умелец нынче на дно залег, когда вынырнет, тогда спрошу.

– Спасибо, Степ, удач тебе.

– Тебе тоже, дорогая. Привет твоим магам.

Валерия вспыхах убрала фото Ветровой и других несчастных, не представляющих никакого интереса для Калинина, в отдельную папку внутри стола. Через неделю-другую, если режиссеру не понравятся новые варианты, предложенные редакторами, Донская снова вытащит эту стопку снимков и заново расскажет историю каждого на фото. Положив перед собой копии отчета полиции и другие официальные бумаги, Лера так же достала вопросник, вооружилась ручкой и позвонила маме Добычиной.

– Ирина Васильевна, здравствуйте еще раз, – монотонно начала Валерия после установления соединения. Женщина сидела в зале, на стене был виден коричневый ковер, рядом с ним стол с фотографией ее дочери. На изображении девушка была полна жизни, она улыбалась прямо в камеру, за ней было видно голубое небо. Идеальный день для идеального посмертного фото. – Давайте сначала поговорим про тонкости логистики. Мы встретим вас на вокзале, поселим в гостинице около одного из наших павильонов. На всякий случай съемку будем планировать на 2 дня. Ваше питание и передвижение по городу – наша забота, ни о чем не переживайте. Возьмите с собой вещи удобные, в которых вам будет комфортно.

Ирина Васильевна Крыгина кивала и иногда записывала нужную информацию в тетрадку, заранее подготовленную до разговора. «Дело, поди, серьезное, снимать такую передачу – тяжелый труд. Помогу, чем смогу».

– Как насчет Анны? И Захара?

– Анечка со мной приедет, разумеется. Она всего на 2 года младше Вики... у них много общего. Было. У них много общего было, – Ирина Васильевна замолчала, и глаза ее налились хрустальными слезами. Валерия, чтобы избежать утешений и сэкономить время, тут же переспросила про мужа:

– А Захар? Он совсем не хочет?

– Нет, – покрутила головой женщина и аккуратно вытерла маленькие бусинки слез в уголках уставших глаз, – он говорит, что все это обман. Что нет никаких ясновидящих, умерла Викочка, и никто не сможет помочь, кроме полиции. Говорит, надо расследование вести как полагается. Не верю, говорит, ни в каких магов. А я говорю, сыночек мой, что же делать, когда и полиция нам ничего не расскажет, три месяца прошло, а они ничего не нашли. Викочка, моя девочка, так и останется на кладбище одна, пока я к ней не приду, Господи прости, не

хочу смерть призывать, чтобы Анечку не бросить, Ленечка-то, мой муж, умер 10 лет назад от сердечного приступа, поди, Викочка не одна сейчас, только на это и надеюсь, не одна сейчас моя доченька, не страшно ей, не плачет она, – женщина закусила губу, чтобы остановить поток нахлынувших эмоций, – а к кому нам еще идти, кто же еще поможет, как не ясновидящие?

Валерия смотрела на монитор, не шевелясь, словно слышала подобные слова уже сотню раз. Жаль, что муж оказался таким большим скептиком. Но неверующих в проект пускать совершенно нельзя: мало того, что необузданных эмоций испытывать не будут, так еще и станут всякие противные вопросы задавать, ясновидящих сбивать с толку. Лера взяла в руки вопросник.

– Так, Ирина Васильна, мне нужно, чтобы Вы ответили на пару вопросов. Анна дома? Я бы и с ней хотела поговорить сегодня.

– Аня у себя, она отдельно живет, сейчас я вам ее номерок скину, – заверила собеседница.

Валерия поблагодарила ее и начала с самого начала списка. Какой у Вики был любимый цвет? Блюдо? Фильм? Музыка? Что она любила делать в свободное время? Как относилась к своей работе? Какие у нее были отношения с мужем? Людьми вокруг? Коллегами? Соседями? Какая у нее была прическа? Родной цвет волос?

Пока мама отвечала на миллион вопросов, Донская написала сообщение сестре Добычиной. Анна отреагировала быстро, сказав, что она весь день дома, и скинула никнейм скайпа.

Через час после начала интервью Валерия наконец-то попрощалась с Ириной Васильевной, быстрынко перекусила принесенным из дома салатом и сбежала вниз за еще одной порцией латте. Если бы у всех сотрудников «Третьего Глаза» взяли кровь на анализ, то обнаружили бы, что она превратилась в кофе.

Около 4 Валерия набрала Анну, но для сестры вопросы были немного другие: какая была любимая игрушка Виктории? Какие мальчики ей нравились? Какие предметы в школе она любила, а какие – терпеть не могла? Какие учителя запали ей в душу? Как прошел ее выпускной?

Пока сестра послушно отвечала на непрекращающийся водопад вопросов, Лера открыла поисковик. Как правило, если умерший человек был моложе 35, у него имелись странички в интернете: «Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук», «Инстаграм», «Пинтерест». Все эти ресурсы лежали в сети и были доступны всем – очень немногие закрывали свои аккаунты от посторонних людей. В наше время выставлять всю свою жизнь на загляденье абсолютно чужим людям считается совершенно нормальным. Был случай, когда от родственников жертвы информации получено было ужасно мало, настолько мало, что и 20-минутный сюжетик не слепить. На помощь пришел «Инстаграм». Какие блюда ел усопший за два дня до смерти, в каких местах был, с кем говорил и какие морды любил корчить на камеру – все это спасало огромную кучу серий.

Валерия еле заметно улыбнулась одной стороной рта: нашлась страничка и «ВКонтакте», и в Инсте. Кто теперь живет без ежечасного показа всему миру фотографий своих завтраков и котов? Только те, у кого нет телефонов и интернета.

Судя по фото, Виктория была жизнерадостным и милым человеком. Немного перебирала с фильтрами ломо: большинство ее изображений были погружены в голубоватый свет и выглядели, как голливудские фильмы про идеальное будущее. Вот она с Захаром на прогулке; вот они вдвоем на пикнике, пьют вино в красивых позах… Кто их фотографировал, интересно? Прохожий, или друга заставили ради 102 лайков? Вот они на море в каком-то тропическом раю. «На Бали с любимым», было подписано Викой. Бали – это классно. У Леры поездка на Бали была третьим в списке желаний: сразу после покупки однокомнатной квартиры и машины.

Анна замолчала, и Валерия, почувствовав неестественно длинную паузу, задала новый вопрос: Ирина Васильевна упомянула, что Вика в старших классах была сорванцом. Что это было – типичная фаза жизни подростка или что-то посерьезнее?

Сестра тяжело вздохнула, видимо, не горя желанием углубляться в прошлое. Но все же начала рассказ. Согласно ее словам, обе девочки ходили в одну и ту же школу, разница между ними всего 2 года. Виктория никогда не была сильна в естественных науках, да и гуманитарными предметами интересовалась мало. Ей было скучно на уроках, она не делала успехов ни в одном предмете и очень скоро за ней закрепилась слава идиотки и троечницы. Иерархии школьных классов во все времена одинаковые: пятерочки-перфекционисты наверху, придурковатые двоечники внизу, а между ними те, кто делает минимум, которого достаточно, чтобы заканчивать четверти без долгов. Отдельная категория включала в себя тех, кто имел эксцентричный характер и не боялся высказывать свои нахальные мнения прямо в лицо учителям. Тут-то и поселилась Виктория. Но она была не одна в своем подразделении. С ней был еще один мальчик и девочка. Вместе их связывала крепкая дружба, основанная на ненависти ко всем, кто находился за пределами их круга. Мальчик был очень проблемный и на вид явно страдающий каким-то психическим расстройством.

Лера кивала в ритм словам Анны, просматривая фото Вики в «Инстаграме», читая комментарии. Лайков было не так уж много, комментариев и того меньше, но все они были позитивные. Кроме своих селфи, Виктория выставляла снимки своих трудов: пирожные, чаще всего торты на день рождения, которые выглядели просто чудесно. Украшенные яркими цветными кремами, с различными фруктами, они смотрелись ужасно аппетитно. Лера сделала очередной глоток остывшего кофе. «Творч. чел.», сделала пометку Донская на полях досье жертвы.

– Но, слава Богу, нам ничего и не пришлось делать, – продолжала Анна. – Перед тем, как Вика окончила 11 класс, этот ее знакомый куда-то пропал. Она перестала встречаться со своей подругой, которая, кстати говоря, была девушкой этого типа.

Анна снова замолчала, но ненадолго:

– Я думаю, что после того как умер наш папа, она просто посмотрела на маму другими глазами. Наш папа был добрым человеком, никогда не ругал нас за плохие оценки, не критиковал, не замечал в нас глупостей. Это мама всегда была двигателем прогресса в нашей семье: питаться правильно, учиться упорно, заниматься спортом… Но когда папы не стало, мамочка наша просто… перестала существовать в том виде, в каком мы ее знали. Она теряла мысли, забывала деньги дома, не могла написать список продуктов перед походом в магазин. Мы с Викой должны были ее спасти. Если не мы, то кто? – Анна риторически спросила у Валерии, – Вика взялась за ум. Школа была закончена, хоть и с тройками, но все равно…

Донская читала комментарии, подходя ближе к дате смерти Добычиной.

«Напиши мне срочно» – комментарий был оставлен под одним из последних снимков кем-то, кто называет себя Veveve. Донская снова открыла страничку «ВКонтакте». «Напиши мне срочно», так же было написано там. Имя над комментом: Вера Осипова.

Донская нахмурилась. Вера Осипова не находилась в списке друзей у Добычиной.

– Анна, простите, – перебила собеседницу редактор, – вы знаете, кто такая Вера Осипова? Анна изумленно поморгала.

– Так это она и есть!

– Кто – «она»?

– Девушка этого парня, придурочного, – Анна покрутила пальцем у виска, – та, с которой в школе дружила Вика.

Донская перепрыгнула на страницу Веры. Кликнула на фотоальбомы. «Отпуск в Питере», «Мой котик», «Дни Рождения», «Детство». Редактор нажала на этот. Скорым взглядом, наискосок просмотрев загружающиеся фотографии, Донская победно улыбнулась про себя. Вот оно. Нашла.

Они сидели втроем на бревне, где-то на природе, окруженные высокой травой и деревьями. У каждого из них был в одной руке стаканчик, а в другой – зажженная сигарета. Парень сидел посередине, раскинув свои руки, как крылья, в попытках обнять своих подруг, но из-за

сигареты и выпивки он только лишь еле касался плеч девушек. Все они улыбались, очевидно, наслаждаясь этим пикником. Волосы Виктории были выкрашены в черный цвет, так же как ногти и губы. Ее подруга выглядела менее радикально, но все же чудесно вписывалась в динамику этой высокоинтеллектуальной группы.

Разглядывая фото, подписанное «Ошибки молодости (#кошмарная мода)», Валерия приспустила и наклонилась поближе к компьютеру. Разрешение снимка было не очень высокое, но кое-какие детали разглядеть было возможно. Добычина была одета в серую рубашку, обычновенную мужскую рубашку, вероятнее всего, украденную у отца, и расстегнута она была до пупка. Из-под рубашки была видна черная маечка, показывающее декольте. И над ним тату в виде круга с какой-то фигурой внутри.

— Анна, — Лера потерла глаза руками, — у Виктории была тату? На груди, прямо под ключицей?

Сестра Добычиной отвела глаза от камеры. Залезать в такие дебри жизни Вики, да еще говорить про всякие позорные тату — это было уже слишком.

— Да, — призналась Анна, совершенно не понимая, причем здесь тату, не это ведь главное, — Но она ее свела лет 8 назад, перед тем как закончила училище.

— Что внутри круга?

— Буква В.

Донская схватила ручку, спешно нарисовала маленький круг и поместила внутри него красиво выведенную В.

— Почему?

— Потому что их всех звали на В, — ответила сестра жертвы, порядком раздраженная, — Виктория, Вера, Валентин. И козлу понятно, почему В.

Лера спешно посмотрела на часы — начало шестого. Затем вытащила фото, где была запечатлена убитая Добычина. Порезы на ее груди теперь выглядели менее загадочно, но все так же свирепо и жестоко.

— Аня, мне нужен ее номер. У вас есть?

— Чей? — не поняла сестра, — Осиповой? У меня нет, но я могу достать.

— Достаньте, — приказала Валерия, — прямо сейчас достаньте, это необходимо.

— Хорошо, хорошо, — испуганно закивала Анна, — у нас есть общие друзья со школы, может, кто знает, как с ней связаться, дайте мне полчаса.

— Даю 15 минут, — проинформировала собеседницу Лера и отключилась от разговора.

Из-за ширмы показался кулак, который тактично постучал пару раз по столу.

— Валерия, привет. Можно?

— Ага, что тебе?

Голова Эдика, заросшая и небритая, образовалась из-за ширмы и выглядела так, будто висела в воздухе. Эдуард был младшим монтажером и практически жил в студии. Калинин постоянно просил переделывать сюжеты и конкурсы в попытках добиться именно той линии сюжета, которая ему нужна. Эдик часто приходил на помочь своему прямому начальнику Иракли Сванидзе, когда времени на сборку серии оставалось совсем немного.

— Что там с Коброй? Нашли?

Валерия что-то пробубнила в ответ, нажав на распечатку ценной фотографии Осиповой. Она просмотрела все изображения, помещенные в альбом, но ни Добычиной, ни этого загадочного Валентина больше нигде не нашла. Еще раз глянув на снимок, уже держа его в руках, Лера попыталась разглядеть тату у Веры и ее друга, но тщетно — на них были надеты футболки по самое горло.

Проверяя свой телефон поминутно, Лера открыла последние фото Виктории. Вот она на пляже, в парео и бикини... Но фото было настолько изуродовано фильтрами, что шрама от

сведения тату видно не было. Теперь стало понятно, почему девушка любила такие масштабные искривления своих изображений.

Фото Веры Осиповой были ужасно скучными (цветы в горшках, снимки кофе на подоконниках и цветы на клумбах), селфи среди них было невероятно мало. А те, что были, не показывали декольте, и, упаси боже, никаких фотосессий в бикини.

Наконец-то телефон Валерии ожил. Она, даже не поблагодарив Анну, тут же набрала присланный номер.

– Да, – прозвучало на том конце, и Валерия поняла, что Вера так и не бросила курить.

– Здравствуйте, – с улыбкой, как можно вежливее прочирикала Донская, – меня зовут Валерия, я – младший редактор передачи «Третий Глаз». Мне очень жаль отвлекать Вас от Ваших дел, но я бы очень хотела поговорить с вами насчет Вашей старой...

– «Третий глаз?» – перебила собеседница, явно занятая чем-то другим, – это где от родовых порч лечат?

– Порчи не лечат, их снимают, – авторитетно поправила Валерия.

– А, ну да, снимают... Так что вам надо, простите? Я только на работу пришла, у меня смена начинается через 5 минут.

– А где вы работаете? В Москве?

– Разумеется, в Москве, где же еще? Я тут уже 7 лет живу...

– Мне очень нужно поговорить с вами о Виктории Добычиной... Крыгина была ее девичья фамилия, Вы с ней вместе закончили школу.

– Да, Вика, – голос Осиповой помрачнел, – а вам зачем?

– Мы будем снимать про нее сюжет. Вера, могу я приехать и поговорить с вами лично? Где вы работаете?

– Продавцом в «Водопадах», у меня будет перерыв через два часа, можете подъехать, но я вам сразу скажу, что не виделась с Викой 10 лет. Зачем Вам говорить именно со мной? У нее друзей, что ли, больше не было?

– Спасибо большое, скоро увидимся, – Валерия не дождалась «До свидания» от своей новой знакомой и, найдя адрес супермаркета в интернете, тут же понеслась в метро, предварительно сложив досье текущей жертвы в свой рюкзачок.

В час пик Московское метро было жарким и казалось кукольным. Валерия решила не брать такси, так как под землей пробок не бывает. Магазин располагался в 20 минутах ходьбы от станции, дождика больше не предвиделось, и она потихоньку направилась к «Водопадам». Достигнув нужной точки на карте, Донская поняла, что очень голодная. Она зашла в одну из кафешек, коих теперь было предостаточно на каждом шагу. В каждом из этих заведений имели честь варить настоящий кофе при помощи дорогих блестящих на солнце машин, испускающих пар, как старые поезда. Жуя только что приготовленную сосиску в тесте и запивая ее чудеснейшим капучино, Валерия просматривала досье, делая пометки в нужных местах, вспоминая отрывки разговоров мамы и сестры Вики. Даже если что-то забудется, не страшно – все интервью записывались на видео и сохранялись на облаке. Сломайся комп, случись пожар или наводнение – ничего не потеряется, проект будет спасен. Для этого на передаче работал отдел айтишников, подобранный, разумеется, не по объявлениям, а по личным рекомендациям от сотрудников программы. Оставив себе 15 минут на всякий случай, Валерия убрала досье обратно в рюкзак, сложила в несколько раз распечатанный снимок троицы и спрятала его в кармане куртки.

«Водопадами» был одних из тех старых советских магазинов, который был перекуплен непонятно кем двести раз и потом практически заново выстроен таким способом, чтобы покупатель не смог пройти напрямую на кассу. Сделано это для того, чтобы человек, проходя через километры прилавков, внезапно осознавал, что дома закончился хлеб, мороженное, мясо индюшки из Южной Америки, и с горкой набивал этими товарами свою тележку.

Лера крутила головой, высматривая свою новую знакомую – кладезь любопытнейшей информации о жертве пятой серии шестого сезона. Валерия прошла колбасную и мясную секции, затем прилавки с консервами и уперлась в отдел салатов на развес. «Вот она, – пронеслось в голове у Донской, – с прической покороче, чем была на последнем селфи». Выкрашенная в старушачий баклажановый цвет, с золотым крестом толщиной в палец, покоящимся на богатой груди и золотыми серьгами-шариками, продетыми в растянутые мочки ушей. Осипова как будто никогда не покидала советский союз, перенесясь сюда, в этот магазин, прямо из конца восьмидесятых. Продавщице было всего 27, но выглядела она в три раза старше.

– Вера, – девушка подошла к витрине и приветливо улыбнулась, – здравствуйте, я вам звонила.

Осипова равнодушно обвела Валерию мертвым взглядом:

– Через 20 минут около мусорных баков, неподалеку от киоска «Роспечать».

Вера отвлеклась на оказавшегося рядом покупателя, которому очень захотелось попробовать тутойский салат «Шанхайский». Валерия кивнула и пошла на поиски киоска. Через 20 минут, как и было обещано, Осипова с накинутой на плечи курткой приблизилась к Донской и закурила тонкую сигарету с ментолом.

– Что вы хотели? – спросила она, не поздоровавшись, – у меня мало времени.

– Вы слышали, что случилось с Викторией Добычиной… Крыгиной, то есть? – Валерия решила не тянуть с вопросами. Едва завидев фигуру продавщицы, девушка включила диктофон на своем телефоне.

– Слышала. От знакомых знакомых. Попросила телефон тети Иры, послала ей смску с соболезнованиями. На похоронах не была. С Викой мы не созванивались, подружками не были – как окончили школу, так больше и не виделись.

– Как вы думаете, кто ее убил?

Осипова выдохнула сигаретный дым, смотря прямо в глаза Донской, не моргая.

– А что же вам ваши ясновидящие не сказали? Вы у них спросите, они все знают, – рот Веры растянулся в довольной и злой улыбке.

Понятно, про себя подумала Валерия. Браждебный свидетель, как таких называют в суде. С такими разговаривать труднее, но зато меньше соплей и слез. Донская вытащила из кармана куртки фото и развернула его. Осипова в очередной раз затянулась.

– Надо убрать эту фотку, – тихо сказала она не то себе, не то Лере, – слишком много интереса к ней в последнее время.

– Что с ним случилось, с Валентином? Куда он пропал после школы?

– В тюрьму загремел, – ответила Вера таким тоном, будто это было вполне очевидно, – на 12 лет.

– Как так? Он же был несовершеннолетний! Ваш ровесник?

Осипова покрутила головой, и ее пузатые шарики-сережки, казалось, растянули мочки ее ушей еще больше:

– Липов был плох в учебе, его оставляли на второй год несколько раз. За два дня перед тем, как он ограбил почтальона, ему исполнилось 18. Было это как раз где-то в мае… Я помню, все за экзамены переживали. Сочинения писали, историю учили. А этот идиот взял и зарезал тету Машу, которая пенсии самым больным старикам по домам разносила.

Валерия снова взглянула на фото. Парень на нем выглядел совершенно нормально, обыкновенно, каких тысячи можно найти на улицах любого города России.

– Нет, он был больной на голову, – прочитав мысли редактора, сказала Осипова, – вырос с матерью, которая пила еще когда с пузом ходила. Жил он не в доме, а в притоне. Лупила она его с детства, и те, кого она приводила во время запоев, тоже его не жалели, – женщина снова затянулась, – у него шансов с рождения не было.

— Как же вы тогда с ним встречались? Вам нравятся такие мужчины? — спросила Валерия, не теряя времени на красиво завуалированные вопросы.

— Я? — изумилась Осипова и чуть не выронила из пальцев почти докуренную сигарету. — Я с ним таких отношений не имела, кто вам наплел?

— Анна, сестра Вики. Она мне и прислала ваш телефон.

— Ясно, — протянула Осипова, — это Вика ей лапши навешала, чтобы матери не разболтала. Я с обоими — что с Викой, что с Валей, была в дружеских отношениях. Даже, скажем так, в приятельских.

Валерия хотела уточнить, но в ту же секунду все поняла: Осипова не вписывалась ни в одну из других групп, которые существовали тогда в классе. Лучше быть с кем-то вместе, даже если третьим колесом, чем вообще ни с кем.

— Она его не боялась совершенно, — добавила Вера, — у него иногда были такие вспышки гнева, что лучше просто было убежать, спрятаться. Но она не бежала, мне кажется, ей было даже интересно, как быстро она сможет его усмирить, подавить своей волей, как дрессировщик льва в цирке. На нее он никогда руку не поднимал, насколько я знаю. Хотя мне один раз оплеуха досталась. Паре пацанов в школе тоже. А потом и тете Маше. Он ее простым ножом пырнул, сумку отобрал, оставил ее на улице кровью истекать, как свинью. Ее, конечно, в больницу привезли, но поздно. Старый человек, пожилая она была, больше 60. Умерла той же ночью.

Осипова бросила окурок на землю и придавила его носком ботинка.

— Ему дали 12 лет, но выпустили через 10. За хорошее поведение.

Обе помолчали, Вера посмотрела на часы.

— Вы хотели ее предупредить? Насчет него, — совсем тихо спросила Валерия, сжимая несчастное фото в руках.

Собеседница чуть видно закивала головой и прикусила губу.

После того, как умерла бабушка — единственный якорь, державший Веру в поселке Жуковский — Осипова решила уехать из дома и начать новую жизнь в столице. Лучше затеряться в толпе незнакомых лиц, чем жить в тесном кругу тех, кто знает тебя и твою семью всю жизнь. Мать Веры, женщина трудная и никогда ничему не радующаяся, вырастила дочь с твердым понятием, что именно из-за нее, ее родного ребенка, ни один мужчина не захотел связать с ней жизнь.

— Я навещаю могилу бабушки раз в пару месяцев, поселок маленький, дорога дальняя, — продолжила рассказ Осипова, — до или после кладбища забегаю в местное кафе. Частенько кого-нибудь из старых знакомых встречаю. Одна из таких знакомых рассказала, как бабушки на скамейках поведали ей о Липове. Был на днях, в дверь Крыгиных не стучал, но о Вике спрашивал. Где она, как она? Как дела у нее, чем занимается? А бабульки-то, — грустно усмехнулась Вера, — они же как местный интернет. Вика, она вот тут работает, в такой-то кондитерской, замуж уже вышла, в Жуковском редко бывает, умница-красавица...

— Он очень ее любил?

— Любил, по-своему. Считал своей. Перед тем, как его закрыли, обещал письма писать каждый день, просил Вику, чтобы она его дождалась.

Кинув взгляд на свой телефон, Валерия подавила желание тут же позвонить Егору и спросить, насколько хорошо он был осведомлен о прошлом своей усопшей жены. Он наверняка знал эту историю. К тому же видел шрам от старой тату на ее теле. Ирина Васильевна, скорее всего, не была информирована о многих деталях: и Вика, и Анна не хотели лишний раз расстраивать мать рассказами о давно забытом прошлом.

— Вы тоже татуировку свели?

Осипова взялась за горловину своей цветастой кофты и оттянула ткань вниз. На улице был поздний вечер, но искусственного освещения от киоска и фонарей было достаточно, чтобы увидеть разницу между здоровой кожей и белесыми полосками шрама.

– Вы обращались в полицию?

– Нет, они ко мне сами пришли. Так же, как и вы, увидели эту фотку на моей странице. Предупредили, что если Липов появится, сразу звонить, не ждать, пока он и меня зарежет. Но я не думаю, что он покажется.

Валерия была согласна с Осиповой: Валентин ведь не писал любовные письма Вере и не был разочарован в ней как в dame сердца, которая наплевала на своего принца, пока он томился в тюрьме.

– А зачем вы сделали тату? – больше из личного любопытства, чем из профессионального интереса спросила Валерия.

Осипова безразлично пожала плечами:

– Липов предложил, Вике идея сразу понравилась. Вроде как мы все друзья до гроба, мы трое с именами на В. А мне тогда было все равно, тату или пирсинг, или обриться наголо. Слава Богу, инфекцию не занесли, все зажило нормально. Но торчал этот круг из-под ключицы очень некрасиво, позорно даже. Линии были неровные, делали вспыхах с настольной лампой, без перчаток, ученик ученика, – Вера устало потерла переносицу, гоня эти глупые воспоминания от себя, – вот идиоты-то... А потом, после переезда в Москву, я поднакопила и свела этот ужас. Теперь могу блузки носить, майки, футболки с низким вырезом...

Валерия понимающе кивала. Липов, для которого удаление этой татуировки было актом святотатства, вырезал ее на груди у своей мертвой любимой. Чтобы похоронили ее с этим кругом и буквой В – ее первой (и самой настоящей, по его мнению) любовью.

Прокручивая в голове различные варианты похищения Добычиной из кондитерской, Валерия машинально вытащила из рюкзачка заранее припасенный календарик с изображением женщины, смотрящей в стеклянный шар, и протянула его продавщице.

– Спасибо большое за ваш рассказ, проект «Третий Глаз» благодарит Вас за Вашу помощь и дарит вам небольшой подарок, календарик с Ирмой Чжоу, победительницей 5 сезона. Талисман, заряженный ее энергией... – Лера внезапно остановилась и замерла с амулетом на месте. Черт, забыла, увлеклась своими мыслями.

Осипова медленно, не в силах скрыть брезгливость со своего лица, взяла сувенир, зажав его между средним и безымянным пальцами. Она покрутила его в руке, явно сомневаясь в энергии чудесной Ирмы.

– Ага, ну спасибо.

Не зная, что еще добавить, Валерия запахнула куртку и зашагала по направлению к метро.

– Девушка, – услышала она позади себя и обернулась к Осиповой.

– Да?

Вера вытащила из кармана джинсов зажигалку, надавила на колесико и, вызвав преданный огонь, поднесла календарик прямо к пламени:

– Как вы спите по ночам?

Валерия хотела ответить, что спит она чудесно, потому что бывает это не часто, так как работа выжимает из нее все соки и занимает по 20 часов в сутки. Но увидев превращающийся в прах легкий кусочек картона, Донская развернулась и уверенным шагом покинула место интервью.

* * *

Чай с лимоном сиротливо остывал, просиживая свое самое вкусное время на холодном подоконнике, пока Геннадий Юрьевич нервно проверял свои часы каждые пять минут, ожидая появления кандидата на позицию «Секретарь директора и ассистента зала». Несчастная Олеся Пушкина, две недели совмещавшая обязанности своей службы (директор по работе с соци-

альными сетями и техподдержке клиентов) и временную позицию секретаря, вчера закатила показательную истерику. По-видимому, Олесин муж стал забывать, что у него вообще есть супруга, которая вместо того, чтобы регулярно варить суп и стирать грязную одежду, пропадает на работе, приходит домой на пару часов передодеться, чмокнуть голодного и одетого в несвежую рубашку мужа в щечку и снова отбыть в ненавистный офис.

В дверь постучали.

– Входите! – Геннадий Юрьевич пригладил волосы и поправил галстук.

Олеся ввела в кабинет высокую девушку с красиво уложенными волосами цвета ванильного мороженного. Одета она была в брючный костюм и выглядела отчаянно серьезно.

– Здравствуйте...

– Дарья, – девушка протянула начальнику отдела кадров ладонь для рукопожатия, – Дарья Вячеславовна.

– Да, прости, запамятовал. Очень приятно, – растянулся в довольной улыбке Горланов и учтивым жестом указал кандидатке на кресло. Олеся, питая гигантские надежды на то, что она сегодня же вернется только к своим прямым обязанностям, попятилась спиной к выходу и тихонько прикрыла за собой дверь.

– Меня зовут Геннадий Юрьевич, я – начальник кадров нашего центра. И вас порекомендовала нам... – мужчина быстренько нашел нужную информацию в кипе бумаг, разложенных перед ним на столе, – Зинаида Круглова.

Девушка кивнула. Она сидела в кресле, закинув ногу на ногу и сложив руки в замок на животе. В ее глазах не было видно и толики нервозности или переживания о том, как правильно ответить на каверзные вопросы кадровика или как не замеяться в неподложенном месте. Брючный костюм шоколадного цвета сидел на ней, как вторая кожа. Легкий, незаметный макияж подчеркивал ее красивый овал лица и длинные ресницы. Ногти были розоватого цвета с перламутровым отливом: никакой похабщины вроде синего или кислотно-зеленого оттенка. Ее черные лакированные туфли на высоком каблуке замыкали образ уверенного в себе человека, готового к самым разным ситуациям.

– Могу я спросить, в каких вы с Зиной отношениях?

– Подруги, – коротко ответила Дарья, не сводя спокойный взгляд с лица начальника, – с детства.

– С детства, это очень хорошо, – Горланов сделал невидимую пометку в своих бумагах, – что вы знаете об «Авалоне»? Зина, наверное, вам кое-что успела рассказать?

– Центр занимается проблемами населения, которое звонит операторам, чтобы воспользоваться их уникальными возможностями и способностями в решении своих проблем.

Геннадий Юрьевич поморгал пару раз. Снова взял распечатанное резюме девушки в руки. Где она так научилась говорить? Она что у нас закончила? А, да, филфак. Какое счастье, образованный человек с нормальной речью. Никакого мыкания и мекания, приставок «как бы» и «типа». Теперь постановления и приказы не придется перепечатывать. Несчастная Олеся изъяснялась как черепашка-ниндзя: на уровне семилетнего ребенка, поэтому и созданные ей документы приходилось переделывать.

– Совершенно верно, Дарья Вячеславовна, мы помогаем людям. Они звонят нам по многим причинам и наши добрые и радушные сотрудники пытаются помочь всем, кто к нам обращается. Сколько времени вы можете уделять работе? Зина сообщила вам про график?

Девушка тактично улыбнулась:

– Я бы хотела работать на полную ставку. Выходных или отгулов брать не буду.

– Чудесно, – внутренне обрадовался начальник, но вида пытался не подавать, – вижу по резюме, с компьютером у вас все нормально. Живете недалеко, опозданий не ожидается. В ваши обязанности будет входить следующее: во всем ассистировать директору центра, Василию Павловичу Сафонову. Также в конце каждого вашего рабочего дня операторы будут отчи-

тываться перед вами за свой улов, скажем так. Они будут предоставлять вам чеки, вы должны будете смотреть по приложению, пришла ли сумма на счет центра и раскладывать чеки от разных операторов в соответствующие папки. Затем эти папки будут переданы бухгалтерам для того, чтобы правильно рассчитать зарплаты. Выплаты операторам варьируются и определяются различными условиями, но вот ваша зарплата фиксированная. Олеся сообщила вам по телефону?

– Да, – еще раз кивнула гостья, – сумма меня устраивает.

– Несколько моментов, – Горланов поднял указательный палец, – первый. Наш постоянный секретарь находится нынче в неоплачиваемом отпуске. По семейным. Но планирует вернуться месяца через три. Это раз. Если вы, работая тут, считаете, что сможете позже стать оператором, мы только за. Мы приветствуем тех, кто хочет трудиться и готов пройти учебу для улучшения квалификации. И два. Из-за специфики нашего центра вместе со стандартным трудовым договором мы бы хотели, чтобы вы подписали соглашение о неразглашении сведений, полученных в «Авалоне». Ни мужу, ни подружкам, ни даже анонимным собеседникам в интернете! Конфиденциальность в нашей работе превыше всего.

Горланов замолчал. Он никогда не информировал кандидатов о том, что в случае отказа подписания этого соглашения, предложение о данной работе больше не действительно.

Дарья выглядела так, словно очень осторожно обдумывала все вышесказанное. Ее висячие глаза сузились в попытках предвидеть будущее. Горланов нервно заерзал на стуле. Господи, пусть она останется. Мало того, что человек с настоящим образованием, да еще и такая красавица. Только приходить в офис и любоваться.

– Хорошо, – сказала она и заложила за ухо свой светло-золотистый локон, – я понимаю. Особенности бизнеса. Конфиденциальность. Конечно.

Горланов озарился улыбкой, которая показала все его зубы и даже коронки на самых дальних местах:

– Превосходно!

– Только у меня к вам просьба, – девушка деликатно прикусила губу, будто набираясь смелости попросить об одолжении, – я сейчас развозюсь с мужем. И, кроме этого, пытаюсь выиграть у него право опеки над нашей дочерью…

Улыбка Горланова увяла. Дочерью. Значит, будет болеть. Дети, они ведь всегда чем-то болеют. Это ведет к незапланированным больничным.

– Не переживайте, с нами живет бабушка, пропускать работу не буду, это совершенно точно.

– В чем же тогда просьба?

– Я бы хотела, чтобы центр платил мне наличными, хотя бы первый месяц. Если официально я не состою на службе, то мой муж обязан будет платить алименты в большем размере. А он зарабатывает вполне прилично и без куска хлеба с маслом не останется, даже если сумма выплат увеличится в полтора или два раза, – девушка нервно затеребила колечко на пальце и стыдливо опустила глаза в пол.

Горланов откинулся в кресло и прикусил колпачок ручки. Вот в чем дело. Какой интересный закон: государство так чудесно пытается поддержать только что разведенных женщин. Надо будет для потехи поискать в интернете, алименты какого размера должен выплачивать нерадивый отец своему отпрыску и его матери.

Хотя для центра было безусловно важно соблюдать закон и переводить зарплаты через соответствующие каналы, утверждать, что сотрудники «Авалона» никогда не получали деньги налом было бы наглым враньем. Сафонов терпеть не мог таких черных операций, но иногда обстоятельства вынуждали и на такие отвратительные действия. Кадровик перевел задумчивый взгляд с кандидатки на ее резюме, затем снова на нее.

«Деньги нужны всем, особенно материам в разводе. Особенно – материам-одиночкам. Как не помочь такой необыкновенной женщине, которая взвалила на себя непосильный груз выращивания ребенка без мужа? В такой ужасный экономический климат. Это просто моя обязанность как мужчины, как человека, в первую очередь, помочь ей и ее семье, – думал Горланов. А если не я, так кто-нибудь другой возьмет, да и найдет нашу умницу-красавицу переводчицу, а мне потом еще две недели искать кого-нибудь, сносно говорящего и печатающего по-русски».

– Я понимаю, Дарья Вячеславовна, – наконец-то ожила кадровик и протянула гостью руку для рукопожатия. Девушка ответила милой улыбкой и слабо вложила свою ладонь в ладонь Горланова, – я могу гарантировать вам один месяц, но дальше уже как пойдет. Как Василий Павлович решит, так и случится. Ваш стол находится в общем зале, возле него найдете копировальную машину. Отсканируйте нужные документы, подпишите контракт и соглашение и занесите все это ко мне до окончания рабочего дня. Олеся поможет вам разобраться.

– Огромное вам спасибо, Геннадий Юрьевич, я обещаю очень ответственно отнестись к своим обязанностям.

Хуже Олеси уж точно не получится, решил кадровик и пожелал новой сотруднице удачи на прощанье.

Дарья вышла из кабинета и, поплутав по коридорам, нашла Олесю на ее рабочем месте. Разобравшись с бумагами, Пышкина устроила новенькой тур по всем уголкам здания. Если бы не постоянно бегающие туда-сюда операторы и гул от их разговоров, обстановка в центре была бы приятная и даже расслабляющая.

Для удобства сотрудников, большинство из которых сами строили свои графики, в центре можно было найти все необходимое для жизни: кухня с постоянным запасом кофе молотого и растворимого; сахар, печенье, чай и даже конфеты «Мишка на севере». В отдельной комнатке, совсем маленькой, находились три раскладушки. Ими можно было воспользоваться, когда силы у работников были совсем на исходе. Операторы могли начинать работать в 7 утра и заканчивать в полночь. Бухгалтеры могли появляться в офисе когда угодно, но эта свобода передвижения не должна отражаться на качестве их работы. Служащие на фиксированной зарплате имели график другого типа. Такие сотрудники как начальники отделов и их секретари имели нормированный рабочий день, с 9 до 6.

Проводя новоприбывшую по различным комнатам и кабинетам, Олеся попутно щебетала и рассказывала сплетни про коллег.

– Сегодня Василий Палыч по делам ездит, надо нам кое-какие соглашения подписать, с администрацией города согласовать. Познакомишься с ним завтра. До тебя никого нормального не могли найти, у нас ведь только по рекомендациям, сама понимаешь. Было тут несколько: одна девица два слова связать не могла – как только сочинения в школе писала? Другая пришла, за 60, компьютер в глаза не видела, бабушка чья-то, пришла подзаработать, – Дарья вежливо кивала и улыбалась. Разумеется, бабушке без знания компьютера в наше время будет нелегко найти место работы. – Тебе Геннадий Юрьевич не сообщил, но я тебе скажу, что ты не только Василию Палычу помочь должна оказывать, но и операторам тоже. У одного ручка потеряется, у другого блокнотик закончится. Иногда принтер не печатает или ксерокс ломается. Твоя обязанность обеспечить гармонию всем, работающим в «Авалоне».

Дарья недоверчиво уставилась на Пышкину.

– Всем? Боюсь, меня одной не хватит.

Олеся махнула рукой и подбадривающе похлопала Синицыну по плечу:

– Не переживай, у нас тут хорошо отлаженная машина. Операторы время терять не любят, на кухне часами не сидят, в телефоне не ковыряются. То, сколько времени они тратят на звонки, пропорционально тому, сколько они в этот день унесут домой. Так, по мелочам к тебе бегать будут. А если уж совсем невмоготу, зови меня, ты же помнишь, где мой закуток?

Дарья помнила. Следующая дверь от кадровика. Тот малюсенький кабинетик Олеся делила с Егором, который тоже отвечал за стабильную работу сайта.

Девушки вышли в общий зал: прибыльное дело «Авалона» не прекращалось ни на минуту. Сотрудники сидели за столами, говоря в микрофоны, которые были присоединены к наушникам, смотрели в свои мониторы и, казалось, забыли про внешний мир. Все, что их интересовало, находилось на том конце провода. Олеся провела Дарью вдоль рядов, шепча «Новая секретарь, новая секретарь Даша», и показывала на Синицыну указательным пальцем, чтобы операторы лишний раз не тратили энергию мозга в попытках уточнить, про кого шепчет Пышкина. Некоторые вежливо, но криво улыбались в ответ, некоторые не реагировали никак, их глаза невидящим взглядом смотрели куда-то сквозь время, не обращая внимания на скучную действительность. Здесь были представители обоих полов, различных национальностей и возрастов. Объединяло их заметное чувство азарта и несгибаемого воодушевления своей важнейшей службой.

На секретарском столе возлежали различные бумаги, и Олеся, грубым движением свалив их в один из выдвижных ящиков, показала, где лежали другие полезные документы. Вот тут папки операторов, вот здесь шпаргалка, подсказывающая, как проверять счет компании, различные пароли, вот тут блокнотики и тетрадки для тебя и тех, кому они могут понадобиться. Кучка чеков на проверку, скопившаяся с утра, ручки, карандаши, ластики, замазки для ошибок, мышка для компьютера… Даша пожалела, что не записала весь этот подробный рассказ на видео.

– Ну все, дорогая, – Олеся решительно пожала руку Дарье, – добро пожаловать в наш дружный коллектив! До скорого!

Пышкина упорхнула из зала, расплзаясь от радости, что муж теперь будет снова ходить накормленный свежим супом и в чистом белье. Дарья вытащила бейджик из своей сумки. Прицепив его на лацкан пиджака, она посмотрела на чеки.

*От: Климова И.В.
Кому: ЧП «Авалон»
Сумма: 138 000 руб.
В дар*

В верхнем углу было написано имя операторов. Дарья проверила, пришли ли деньги, положила чек в папку с именем этого работника и взялась за следующий.

Работка была непыльная, даже, можно сказать, приятная, если бы не этот гул в общем зале. Девушка перебирала чеки и с интересом отмечала про себя цифры. Самой маленькой из них была 50 тысяч, самой крупной – 330 тысяч. Это «улов» одного из операторов за один день, перед обедом. Интересно, что же он продал? Дарья раскладывала бумажки по нужным папкам, но стопка чеков не становилась меньше. То и дело подходили люди, клали на стол копию чека и уходили обратно к своему столу. Некоторые здоровались, некоторые даже не замечали, что за столом сидит живой и пока что незнакомый человек.

Через полтора часа работы у Дары немного заболели глаза. Нужно было из дома захватить с собой очки со специальным напылением для мониторов. Секретарь потерла переносицу и осторожно вытерла малюсенькие слезинки, выступившие в уголках ее васильковых глаз по причине излишнего напряжения. Пора бы и чай испить.

На кухне не было никого, кроме двух женщин. Они были похожи друг на друга, как сестры: на вид одного возраста, одетые в джинсы, кроссовки и растянутые свитера, с неряшливо затянутыми в хвостик волосами. Было понятно, что работа по телефону давала сотрудникам явное преимущество в том, чтобы навсегда перестать переживать на тему «что надеть завтра в офис».

– Я тебе говорю, эта книжка изменила всю мою тактику! – энергично рассказывала одна из присутствующих в зеленом свитере. Она пила крепко заваренный чай, заедая его бубликом, – просто поменяла мое отношение к тому, как вести разговоры...

– Ну, например? – недоверчиво откликнулась собеседница, выискивая свой перекус в общем холодильнике.

– Смотри, тебе необходимо составить пять или шесть вопросов, ответ на которые обязательно должен быть «да», независимо от того, что ты предлагаешь. Типа того: «Ты хочешь быть всегда желанной?», «Ты хочешь навсегда избавиться от проблем с кожей и морщинами?», «Тебе хочется, чтобы все падали в обморок от твоей обалденной внешности?»

– Ага, – откликнулась ее подруга и, захватив вилку из выдвижного ящика, уселась напротив говорившей.

– Ответив на все эти вопросы «да», когда я предложу тебе данный крем от морщин, ты уже по инерции хочешь сказать «Да». Ясно?

– Ясно, – дама в желтом свитере открыла пластиковый контейнер, сразу вкусно запахло курицей, – у меня сегодня пол утра ушло на то, чтобы убедить старушку прочистить свои чакры, потратила я на нее два часа, а получила лишь 20 тысяч.

– Я от старух пытаюсь отделяться как можно быстрее, – авторитетно ответила первая дама, – они только и хотят, что лясы точить. А нам не за время платят, а за результат. Я вот тут сегодня с утрецка одной девице три заклинания к Венере от венца безбрачия продала. По 15 тысяч каждое, говорю, ты замуж хочешь? Детей хочешь? Свадьбу и белое платье? Тосты и горько, и медовый месяц в Крыму? Видишь, пять вопросов с ответом «Да», – женщина растопырила пальцы перед лицом своей подруги, визуально изображая ей желаемую цифру, – говорю, сегодня как раз день Святого Архиеря Египетского, он у нас святой покровитель браков, говорю, хочешь его попросить, чтобы помог? А то придется еще целый год ждать?

Дарья достала кружку с полки и чайный пакетик из жестяной баночки. Налила кипятка и развернулась к женщинам:

– А разве Библия поощряет языческую магию? Венера – это ведь из римской мифологии? Обе дамы застыли, как статуи, повернув свои нечесанные головы к новенькой.

– А вы, простите, кто? – спросила новоявленная психолог.

– Дарья, – девушка указала на свой бейджик, – устроилась сегодня секретарем. Еще ни с кем из зала не знакомилась, только со Олесей.

Женщины немного расслабились и продолжили трапезу.

– А мы не дискриминируем: все религии любим и уважаем. А кто что не поощряет, так это никто непомнит. За 80 лет коммунизма, поди, уже всю Библию забыли. Меня Таня зовут, кстати, а это Нина.

Желтый свитер продолжил есть свою курицу, а зеленый достал из кармана еще один бублик.

– Девочки, боже мой, как меня сегодня все достали, а еще даже не вечер, – на кухню ураганом ворвался высокий парень. Он быстренько сделал себе растворимый кофе, не прекращая жаловаться на трудную операторскую жизнь, – позвонила мамашка, хочу, говорит, защиту поставить на моего мальчика. Заслали его в Чечню, не хочу, говорит, чтобы ему там башку пропалили. Я отвечаю, дело понятное, защиту поставим, на макушку поплюем, от бесов избавим, – юноша сел за соседний столик и стал греть руки о горячую чашку с кофе, – только проблемка есть, говорю, небольшая. Из-за папочки порча на нем, вашем Мишеньке, родовая, говорю, пришла с того конца семьи, теперь ему больше чем защиту надо. Нужно еще и мантры читать. В четыре ноль четыре ночи три дня подряд. Так она с меня скидку стала просить! Представляете, девочки? Скидку!

Девочки с разочарованием покачали головами. Вот матери нынче пошли, за такие подарки Божьи в виде этого всезнающего колдуна как только не стыдно торговаться?

– Мантры? – деликатно поинтересовалась Дарья, – буддийские?

– Ну не французские же, – язвительно ответил парень и обратился к свитерам, – это кто?

– Это Даша, наша новенькая, заместо Маринки.

Парень подарил девушке долгий оценивающий взгляд с головы до лакированных туфелек и обратно.

– У вас лицо знакомое, я вас где-то видела?

Юноша отпил кофе и жестом попросил кусочек бублика у зеленого свитера.

– Конечно, видела. Меня вся страна знает, – скромно ответил маг, пережевывая только что добытую выпечку, – меня в первом и втором выпуске «Третьего глаза» показывали, в 4 сезоне. Колдун в пятом поколении, шаман Великого Севера, Родион Жулькин.

Дарья улыбнулась и сполоснула кружку под струей горячей воды.

– Жулькин, Родион. Конечно, как забыть? Это не вы упомянули, что у вас в дальних родственниках были эскимосы и папуасы?

Татьяна и Нина переглянулись и попытались сдержать смех, но безрезультатно. Одна приложила пальцы ко рту, другая зажала зубами нижнюю губу, но их плечи предательски затряслись.

Колдун одарил ледяным взором сначала Дарью, потом своих коллег:

– Я шаман, а не географ. Меня из-за этого и выперли, показали, будто совсем мозгов нет. А я, между прочим, инженерный закончил! Две специальности!

– Понятно, – отозвалась Дарья, – простите, мне пора обратно.

Колдун с новенькой не попрощался. Вместо того, чтобы и этой троице идти обратно за телефонный станок, девушка услышала начало нового разговора про то, как на самом деле снимался проект «Третий Глаз».

Вернувшись обратно за свой стол, секретарь заметила, что стопка с чеками явно подросла. Синицина вздохнула, обвела глазами зал, где по телефону без устали жужжали несколько десятков человек и, обновив приложение на компьютере, вернулась к своей ново-приобретенной работе.

* * *

Пристально наблюдая за установкой аппаратуры и проверкой звука, Лера нервно теребила несчастное фото в своих руках. Она безостановочно проигрывала в уме вопрос Осиповой, не в силах забыть миниатюрное яркое пламя от сгорающего календарика.

«Как вы спите по ночам?»

Если бы Лера повстречала версию себя до того, как она стала работать на проекте «Третий глаз», понравилась бы она в нынешней форме молодой Лере? Той, которая сама начинала плакать при виде плачущего человека. Которая содрогалась от фото с мертвыми телами. Которая вместо того, чтобы осматривать места преступлений, писала про то, где лучше сажать помидоры. Каждый день, прожитый нами, изменяет нас. И дни, проведенные на проекте, навсегда изменили младшего редактора Валерию Донскую.

После того, как девушка приехала обратно в офис вечером в понедельник, чтобы внести новую информацию в досье Добычиной, она, с чашкой остывшего чая в одной руке и помятым фото с троицей в другой, села на диванчик около холодильника. Донская стояла на распутье: подняться на ступень выше в карьере на этом проекте или взмыть до высот помощника исполнительного продюсера? Это всего на пару ступеней ниже самого Калинина. Или так и оставаться двадцать пятым младшим редактором еще несколько лет? Копить зарплату. Рассчитывать бюджет на каждый день. Мечтать о выплате ипотеки за квартиру в этом тысячелетии.

Валерия осторожно положила уже изрядно потрепанное фото рядом с собой на кожаном сиденье и достала телефон. Максим всегда знает, что посоветовать. На то он и есть друг детства,

выросший вместе с Лерой в одном подъезде. Защищавший ее от дождя, если Валерия забыла прихватить с собой зонтик по дороге в школу. К тому же, Максим Стеклянов теперь служил лейтенантом полиции и его советы частенько были полны резона и логики.

Когда Донская только начала работу на проекте, Максим сразу дал ей понять, что не станет марать честь мундира и выбалтывать все детали о расследованиях для новых серий. Во-первых, это противозаконно. Во-вторых, это совершенно низко и отвратительно, ворошить и показывать все грязное белье усопшего на всю страну. Мало того, еще и вовлекать горюющих родственников и умалишенных колдунов, таскающих с собой кости мертвых животных и церковные свечки.

Максим снял трубку и Валерия изложила ему свою дилемму. После разговора с Осиповой стало совершенно ясно, что полиция знает про Липова. Возможно, даже ставит его в список подозреваемых. Официально же ни мать, ни сестра не были поставлены в известность о том, что он как-то замешан в убийстве Виктории. У телеканала «Весенний» есть необычная, даже волшебная возможность помочь полиции в поимке данного типа: запросить его данные в УВД России вместе с его последними фото и показать его на экране. Разве это не замечательно, как проект «Третий глаз» может помочь родной полиции в задержании одного из подозреваемых в таком омерзительном преступлении?

Лейтенант в силу своего нордического характера восторга от данной возможности не испытал и, узнав от редактора номер дела Добычиной, пообещал перезвонить.

– Лера, зачем ты работаешь на этой кошмарной передаче? – в лоб спросил друг, голос его был усталым и безнадежным. Этот вопрос Максим задавал часто, а Валерия никогда не знала, что ему ответить.

– Потому что тут чай бесплатный и диванчик на кухне мягкий. Не тяни, Макс, что тебе сказал следователь? Нужна наша помощь?

– Нет, – твердо ответил лейтенант, – я сомневаюсь, что нам или любому департаменту министерства внутренних дел Российской Федерации когда-нибудь понадобится помочь шаманов и русалок из телеканала «Весенний», но спасибо за предложение!

Донская покачала головой.

– Почему ее мать и сестра не были поставлены в известность?

– Потому что так надо, – отозвался Стеклянов, будто мудрый родитель, отвечающий на очередной глупый вопрос своего недалекого ребенка, – ее муж знает обо всех деталях следствия, он упомянул татуировку Виктории, и, как я понял, это было вполне очевидно. Мать и сестра – довольно эмоциональные люди, и для того, чтобы задержать главного подозреваемого, его сначала нужно найти. Прячется он на территории Московской области, и нам не надо, чтобы родственники убитой орали его имя на каждой улице и искали его под каждым кустом. Липов еще не показывался у своей матери, которая проживает по тому же адресу. Не исключено, что Крыгина нагрянут к ней с обвинениями. Наделаут шума во дворе. Спугнут дичь.

– Ясно, – подытожила Валерия, – дать Липову поверить, что его никто не ищет, все о нем забыли, и он вылезет сам.

Лейтенант согласился.

– Лера, я не могу запретить тебе как сотрудник полиции называть подозреваемого по имени и выставлять его фото в эфире. Но я могу попросить тебя как друг и как человек этого не делать.

Девушка поднялась с дивана, медленно и осторожно, будто каждое движение вызывало боль. Внезапно она почувствовала себя такой уставшей, словно на плечах ее лежала ноша не только собственной карьеры – успешной или провальной, – но и поимка того, кто насилием укоротил жизнь чудесной девушки-кондитера, любящей своего мужа и инстаграмный фильтр «ломо».

Редакторы программы «Третий глаз» напоминали археологов. И одни, и другие тратили безумное количество времени в поисках того, что будет интересно для науки или публики. И не каждому представителю данных профессий выпадала дикая удача обнаружить занятную находку. Но если такой шанс и выпадал, то карьеры шли вверх, и денег платилось больше.

Получив сообщение от водителя спецавтобуса, Валерия направилась на первый этаж встречать гостей. Впридачу к Анне и Ирине Васильевной на проект приехала их соседка, 71 года от роду, Клавдия Захаровна Кочеткова. Соседка, с которой уже побеседовала Лера, должна была снабдить зрителей честными комментариями о словах ясновидящих, так как всю свою взрослую жизнь прожила на одной лестничной площадке с семьей Крыгина. Женщина, в прошлом швея-технолог, имела вполне твердую память и почти все зубы, благодаря чему могла изъясняться отчетливо и по делу.

Прибывшие были в восторге от всего: быстрых лифтов, поднимающихся на 9 этаж с огромной скоростью, красивой мебели, чистых паркетов на полу и предложенному свежезаваренному чаю и кофе. «Только смотрите, – неустанно предупреждала Лера, – съемки делятся долго, обычно в течение 4 часов, поэтому от кофе лучше отказаться. Впереди 6 конкурсантов, у каждого свой способ чтения, связи с духами или теми существами, которые ассициируют им в поиске нужной информации. Плюс выставление света, проверки аппаратуры, аудио, доставка всех ясновидящих на съемочную площадку и уйма других факторов.

Клавдия Захаровна была сразу помещена в комнатку, где находилась пара удобных стульев, выставленных перед столом с мониторами. К пожилой гостье была приставлена девочка Зоя. Зоя должна была удостовериться в том, чтобы соседка давала дельные комментарии и не умерла во время съемок.

Мама и сестра жертвы пятого эпизода шестого сезона были приглашены в большой зал. Это помещение частенько преобразовывалось согласно нуждам шоу. Окна почти во всю стену занавешивались брезентовыми шторами и создавали полуночную, темную атмосферу. В помощь всезнающим призракам и фантомам, разумеется. В середине зала было поставлено небольшое возвышение, платформа на колесиках с чудесными тормозами. На миниатюрной сцене находился диванчик для гостей, кресло для ведущего, кофейный столик и стул для ясновидящего. Частенько конкурсанты решали проделывать свои ритуалы не на столике, а прямо на полу перед платформой. Если они хотели именно этого, ясновидящие обязаны были сообщить об этом ассистенту режиссера-постановщика, так как надо было выставить свет и расположить камеры там, где маг собирался проделать свою шамансскую операцию. Как правило, режиссеры у эпизодов были разные, было их пять человек и менялись они по кругу. Снимать новые серии было нетрудно, так как сценарии были сданы заранее, главные концепции оговорены с генеральным и исполнительным продюсерами, а съемочная команда представляла собой хорошо отлаженную машину. Ввиду данных причин личное присутствие Виталия Михайловича на съемочной площадке было совершенно необязательным. Гораздо полезнее было просмотреть уже отснятый материал, сделать заметки для монтажа и отшлифовать почти готовый эпизод.

Гости присели на диван. На всякий случай Крыгина старшая принесла с собой папку с фотографиями дочери, которую женщина спрятала между своей спиной и диваном. Тут же к гостям студии была приставлена девушка Арина, отвечавшая за любой каприз Анны и Ирины Васильевны, пока они находились на платформе. Слава богу, недостатка в девушках проект не испытывал. Работка была местами интересная и вполне прилично оплачиваемая. Разумеется, все работающие в проекте обязаны были подписать соглашение о неразглашении, но это ведь мелочи. Да и что такого умопомрачительного могли увидеть Зоя и Арина на съемочной площадке?

Удостоверившись, что сотовые телефоны Анна и Ирина сдали Арине на хранение, Валерия вернулась в малый зал. Там должны были находиться те, кто не участвовал в непосредственном процессе съемок. Редакторы, сценаристы, гримеры и девушки на побегушках.

Помещение было хорошо освещено и имело менее зловещую атмосферу. Сюда фантомы и привидения сунуться не захотят. Оттого безопасность съемочной команде была гарантирована. По периметру зала находились столики со стульями, вдоль стены была установлена мини-кухонька с чайником, кофейником, краном, раковиной и различными шкафами для всевозможных случаев. Также аптечка и малюсенький холодильник. На противоположной стене от кухни, на уровне глаз среднестатистического человека, были вмонтированы три монитора с колонками. Именно такое количество камер было задействовано в проекте. Обычно одна камера всегда снимала гостей, одна была направлена на конкурсanta, а третья, статичная, находилась перед гостем в отдельной комнате, где нынче располагалась Клавдия Захаровна. На экране будет видно, как она говорит с кем-то, кто находится рядом, но лица Зои зрители не увидят.

Конкурсанты впускались в большой зал по одному и, закончив свою попытку, приходили в малый зал. Они могли наблюдать за выступлениями своих конкурентов прямо по мониторам, либо пройти в другое помещение парой этажей ниже (в редакцию) и подождать там завершения съемки. По окончании процесса все ясновидящие должны быть согнаны Аринами и Зоями, как овцы собаками-пастухами, в большой зал для заключительных слов гостей. Иногда благодарных, иногда разочарованных, иногда просто грустных. Главное, почти всегда сказанных со слезами на глазах. Слезы нужно снимать особенно пристально и обильно, чтобы потом было из чего склеивать самые эмоциональные места в серии.

На этой неделе честь руководить всем съемочным процессом выпала Роману Снегову. Роман, родом из Екатеринбурга, в своих самых смелых мечтаниях воображал себя кем-то вроде Стивена Спилберга. Но даже Спилберг в самом начале своей карьеры в Голливуде не гнушался мелкокалиберными проектами. Шоу «Третий Глаз» было довольно успешным на российском телевидении, однако в чудесах режиссуры не нуждалось. Зрители успели привыкнуть к одним и тем же декорациям, углам камеры и яркости освещения. Тем не менее, иметь возможность указать в резюме факт работы на площадке самого Виталия Михайловича Калинина – сущая удача для любого, кто хочет ставить свои фильмы и иметь свободу творческого видения за казенные деньги от федерального канала.

Роман расположился на стуле, впереди которого стоял столик с тремя мини-мониторами. Рядом с постановщиком сидел технический редактор, Леша Белоусов. На обоих были надеты наушники. После подачи соответствующего знака в большой зал был приглашен Самир. Как обычно, актер выглядел великолепно: его волосы были уложены волосинка к волосинке, мужественное лицо имело ровный и здоровый оттенок, ровные зубы блестели, словно бриллианты на солнце. Темно-синий костюм, черная рубашка и серый галстук – не хватало лишь шляпы со свисающим на глаз пером. Актер с приятной улыбкой взошел на платформу, поздоровался с Анной и Ириной Васильевной, будто это была не съемка мистического проекта, а очередь в магазине. Крыгина сначала робко ответили неловкими приветствиями, а потом стали болтать с красивцем и даже на секунду огорчились от того, что их беседе пришлось прекратиться, так как в зал была готова войти первая участница. Хамматов привычным движением установил внутри уха миниатюрный наушник, чтобы слышать подсказки и рекомендации режиссера, у которого в руках находился сценарий. Самир имел привычку игнорировать документы данного вида, так как сценарий для этого проекта, по его личному мнению, был скорее рекомендацией, чем инструкцией.

Лера вложила в свое правое ухо такой же наушничек, чтобы слышать команды от режиссера.

Овещение, звук. Камера. Мотор. Поехали!

Первой сегодня зашла Евгения Городкова, тридцати пяти лет от роду, родом из Москвы. По словам девушки, к своему служению ее призвала сама Исида, древнеегипетская богиня, олицетворяющая в себе идеалы материнства и женственности. Богинь, так же как и богов, в Древнем Египте было безумное множество, но свой интерес к выпускнице факультета дизайна

интерьера проявила именно эта. Согласно рассказу девушки, когда она пошла на выставку артефактов в Северной Африке и проходила мимо барельефа с изображением Исины, она упала в обморок. Друзья, пришедшие с ней, запаниковали и стали вызывать скорую, но поводов для волнения не было. Сама Исида появилась на выставке, обняла фантом Городковой и сообщила, что давно ищет достойную барышню для продолжения своего культа. После того, как девушка пришла в себя, она поняла, что теперь может общаться с Исидой напрямую, и та, имея в арсенале не только знания о прошлом, но и о будущем, может телеграфировать Городковой прямо из мира Мертвых.

Сегодня Евгения была одета в темную маечку, облегающую ее еще молодую фигуру, не знающую борьбы с безжалостным временем и гравитацией, и черную кожаную юбку. На ее шее болталось несколько цепей с увесистыми кулонами: анх, известный как крест жизни, глаз Гора и несколько жуков-скарабеев. Стрижкой Городкова сама напоминала Клеопатру: волосы черные, как крыло ворона, с ровной челкой над бровями были подстрижены на уровне подбородка. Карие глаза участницы были подведены сверху и снизу, и длинными стрелками шли вверх до самого виска. В руках девушках сжимала свой рабочий инструмент – талисман «Тиет», также называемый «узлом Исины». Фигурка была небольшая, около 5 сантиметров, вырезанная из яшмы.

Валерия, отпустив Евгению к гостям, бесшумно прошла по стеночке и тихонько пристроилась за спиной Леши и Романа. Городкова прошла до платформы, где услышала спокойный голос Хамматова:

- Евгения, здравствуйте.
- Здрасьте, – пискнула в ответ московская Клеопатра и осторожно присела на стул.
- Посмотрите, пожалуйста, – продолжил актер и жестом указал на фотографию, которая лежала прямо перед участницей на столике, – вы видите снимок девушки. Скажите, пожалуйста, что с ней произошло.
- Сейчас посмотрю, – пообещала Клеопатра и положила амулетик прямо на фото.

Вступительный сегмент о горе Крыгиных уже был снят вчера. Анна и ее мама были усанжены тут же, в большом зале, но шторы были открыты, мебель была поставлена другая. Позже из их рассказа будет слеплена история о Виктории с наложенным голосом Хамматова, полным грусти и тоски, рассказывающего о холодящем кровь преступлении, которое все еще не раскрыто, и о беззлаберном бездействии полиции.

Камера номер два была направлена на стол, и Валерия подумала о том, что нужно было выбрать другое фото. Закончив досье на Добычину, она отослала его сценаристу Ване Овечкину вместе со всеми добытыми фото из интернета и от семьи. Его работа заключалась в том, чтобы распределить информацию равномерно, решить, какие фото показывать в эфире, а про какие забыть. Снимок, выбранный Ваней, был сделан где-то два года назад, когда у Виктории была очень длинная челка и почти не было видно глаз, таких сияющих и живых. Ужасное фото, зачем Лера прикрепила его к досье?

Евгения положила обе ладони на фото и закрыла глаза. Серебряные кольца, нанизанные почти на все ее пальцы, эффектно блеснули на камере, отражая свет, льющийся из огромных осветительных приборов. Анна и Ирина Васильевна неотрывно наблюдали за девушкой, казалось, не мигая. Самир безразлично переводил скучающий взгляд с амулета на лицо Городковой. Ему, как настоящему актеру, было уныло наблюдать за такой откровенной самодеятельностью.

– Вижу… – шепотом начала Евгения, не открывая жирно подведенных глаз, – вижу, что с нами ее больше нет. Исида говорит, что она теперь в мире Мертвых, – Городкова приоткрыла один глаз, оценить реакцию аудитории. Ирина Васильевна горько закивала и утерла назревшую слезу. Анна тихо произнесла:

- Да.

— А что случилось? — очнулся Самир. — Что с ней стало? Как ее звали? Кем она была?

Клеопатра снова стала налаживать сигнал с богиней: подняла амулетик и покрутила его в руках:

— Вижу букву И...

Мать и сестра Крыгина переглянулись.

— Ой, Господи, «Виктория»! — Клавдия Захаровна обратилась к Зое, удивленное лицо соседки отразилось на мониторе номер три, — это же целых две «и»! Это же надо, какая моло-дец!

— Она умерла не своей смертью, — еле слышно, с придаханием, объявила участница, — Исида говорит, слишком рано.

Женщины на диванчике взялись за руки.

— Почему? — сдавленным голосом спросила Ирина Васильевна. — Кто посмел?

Клеопатра еще немного поиграла со своим сувениром и покачала головой, надев маску настоящей тоски на свое молодое, густо раскрашенное лицо:

— Исида молчит, говорит, не время еще знать. Но дочь ваша была творческим человеком, любила цветы, любила приносить другим радость.

Валерия уже знала, какие фото Ваня решил показать во время этих слов: красно-зеленые торты, испеченные Викторией, снимок с последнего дня рождения ее мужа, скорее всего, что-то из семейного.

Клеопатра открыла глаза и спрятала амулетик в карман юбки.

— Спасибо, Евгения, — слишком празднично объявил Самир, — спасибо Исиде, хорошего вам дня!

Конкурсантка неуверенно улыбнулась. Ирина Васильевна и Анна тоже, но выглядели они откровенно разочарованными. Как же так, богиня решила, что еще не время знать, кто убил Викторию? Какая противная богиня, слов нет.

Зазвенел звонок. Камеры прекратили снимать. Лера провела Городкову в малый зал. Она села за столик и нервно постучала пальцами по деревянной поверхности.

— Как я? Ничего? — в ожидании моральной поддержки спросила девушка.

— Ничего, — кивнула Валерия, и пошла за вторым участником.

Раджешь, за пределами проекта носивший имя Артур Хабибулин, уже ожидал Донскую перед входом в студию. Еще раз звонок, двери открылись, будто в никуда, внутри помещения стоял романтичный сумрак. Артур с улыбкой взошел на платформу и присел, поставив на пол рядом с собой небольшую тканевую сумку.

— Здравствуйте, Раджешь, — вежливо произнес Самир, — сегодня у нас в гостях Анна и Ирина, они бы очень хотели знать, что произошло вот с этой девушкой, фото которой вы видите перед собой.

Артур, понимая важность ситуации, осторожно взял фото в руки. Хабибулин оказывал странный эффект на людей: всего 28 лет отроду, он казался мальчишкой в теле взрослого парня. От него редко слышались жалобы и упреки. На его загорелом лице будто застыло выражение чуть видной радости и спокойствия. Приехав на шоу из Нижнекамска, он иногда скучал по дому, но пытался не показывать тоски по родному городу. Во всех сериях на лбу Артура была нанесена красная точка, иногда полумесяцем обведенная тонкой белой линией. На его шее висело несколько кулонов «Ом», очень важного символа индуистской традиции.

По словам Хабибулина, закончив факультет радиосистем, парень понял, что совершенно не хотел работать в данной сфере. Его заботила судьба человечества, борьба добра со злом, улучшение своего внутреннего «Я», избавление души от боли. Заняв у друзей деньги, Артур поехал в ту страну, где над данными вопросами тысячелетиями размышляли самые просвещенные умы нашего мира — в Индию. Парень путешествовал по ашрамам, беседовал с монахами, несколько месяцев подряд питался только шариком риса в день, провел целый год в

пещере вместе с другими аскетами. И все ради поиска истины. Ведь истина – это такая штука, которая может быть найдена только в индийской пещере на рисовой диете.

И случилось чудо. День в день, через год после проживания в пещере, Артур, а теперь уже Раджеш (какой же Аскет выговорит слово «Артур») стал слышать голос самой Кали. Богини, которая чаще всего изображается с синей кожей, четырьмя руками и ожерельем из черепов на шее. Гнев ее ужасен для обычных людей, но к Артуру Хабибулину из Казани она благосклонна и время от времени отвлекается от своих божественных дел, чтобы ответить на его вопросы.

Раджеш посмотрел сначала на Анну, потом на Ирину Васильевну. Обе они с неприкрытым интересом наблюдали за парнем и рассматривали «бинди» (красную точку) на его лбу. Парень извлек из своей сумки несколько красных цветков и положил их по обе стороны фотографии Виктории – справа и слева. Затем достал тонюсенькую палочку благовония и поджег ее зажигалкой. Студия наполнилась запахом сандала.

Лера нравились появления Раджеша, потому что он всегда использовал сандал для своих ритуалов. Так уютно и приятно сделалось девушке, что она, закрыв глаза, сделала несколько больших вдохов. Надо будет спросить, где он покупает эти палочки, авось и домой себе прикупить, зажечь несколько во время принятия ванны. Лера открыла глаза и горько усмехнулась про себя. Если когда-нибудь у нее вообще будет возможность потратить целый час или два на принятие ванны...

– Ой, божечки, а что у него на лбу такое? – послышалась Клавдия Захаровна. – Что это у него красное такое, родимое пятно, как у Горбачева?

Зоя наклонилась к бабушке и что-то прошептала ей на ухо.

– Господи, как натуральный индус, бедняга, – закачала головой сердобольная бабулька, – в церковь ему надо, в нашу, русскую, православную, я хорошего батюшку знаю, ему поможет.

Артур закрыл глаза и немного замычал, иногда приговаривая «ом намах шивая», покачивая палочку благовония над снимком Виктории.

– Не вижу ее в мире живых. Ушла от нас, – наконец-то произнес Артур нараспев, как мантру, – но не по своей воле. Убили. Вижу ранения, ножевые. Не одно, а много, – парень сжал кулак на левой руке и положил его себе на грудь.

Мать и сестра ахнули. Самир сидел со скучным выражением лица: актера развлечь было нелегко.

– Кто ее убил? – прямо спросил ведущий.

– Кали не показывает, говорит, неважно. Важно то, что Виктория просит прощения. У своей мамы.

Артур открыл глаза, взял левый цветок и протянул его Ирине Васильевне. Она со смесью ужаса и изумления приняла сей подарок:

– Вы – ее мама. Что-то на «И...» Ирма? Инна? Ирина?..

Мама закивала и ее глаза тут же налились слезами. Оператор приблизил фокус на лицо женщины.

– За что? – кое-как выговорила гостья.

– За то, что когда была в старшей школе, не была помощницей. Уроки прогуливала, была в плохой компании.

Ирина Васильевна закрыла рот рукой. Ее глаза были наполнены болью и чувством невыносимой утраты.

– Да, да, я помню, – Клавдия Захаровна авторитетно сложила руки на груди, – бывало, и не было Вики полночи, мать-то все искала ее по дворам да друзьям ее. Еле-еле 11 класс закончила, оттого и пошла в техникум, образования-то никакого. Какой пример младшей сестре подавала, а?

Раджешь поводил палочкой еще немнога, потом вынул из своей сумки железный стаканчик и поставил в него благовоние. Парень сложил руки ладонями вместе и немнога поклонился – сначала в сторону Анны, а потом ее матери.

– Спасибо за ваше доверие. Ваша дочка теперь слилась с космосом. Я желаю вам счастья и удачи.

Даже через экран монитора можно было ощутить положительные флюиды Артура. Он осторожно положил свои ладони на запястья Крыгиных, словно в попытке через прикосновение передать им немнога давно ушедшей от них умиротворенности.

– Мы вас тоже благодарим, – вовремя вступил Самир. – А теперь поприветствуем нашего следующего участника, Олега Серого.

Тридцатишестилетний Олег, приехавший на проект из Санкт Петербурга, по профессии слесарь-ремонтник, поведал зрителям еще в самом первом выпуске, что в своих предках имел друидов. Так назывались жрецы у кельтов, которые использовали магию для пользы своего народа. Хотя каста жрецов являлась самой элитной во всей нации, рождаться в ней было неизбежно: жрецом можно было стать через обучение. Подвох состоял в том, что учиться на друида было необходимо 20 лет. А все из-за того, что у кельтов не существовало письменности, длинные священные тексты эти маги обязаны были запоминать и передавать следующим поколениям только устно. Как так случилось, что у семьи коренных петербуржцев предком оказался не только кельт, но друид, Олег объяснять не стал. Но еще раз подчеркнул, что обучение начал еще в детстве, у дедушки, который, в свою очередь, получил эти священные знания от своего деда.

Ритуал Олега включал в себя кусочек дерева и металлический кубок, наполненный проточной водой. (Проточной – это так, для красоты речи. Кубок этот только что Валерия принесла из кухни с малого зала, наполнив его из крана). Друиды боготворили природу и черпали свою магию именно из нее. Повергнувшись деревянную болванку в руках, Олег бросил ее в воду. Древесинка стала медленно плавать из стороны в сторону. Олег вслушивался в ответ, пришедший к нему из недр кельтской магии.

Нет в живых, разумеется. Умерла не своей смертью. Но любила теплый климат. Купаться, красивые вещи.

Лера раздраженно закатила глаза. Фотография на столе, данная всем участникам, показывала не только счастливое лицо Виктории, но ее бикини, стильную сумочку на ее плече, шляпу с большими полями и пальмы на заднем плане. Спасибо, друиды, как бы мы без вас поняли, что умершей нравились тропические страны и дорогие туфли.

Клавдия Захаровна, в свою очередь, закивала, заметив, что вместо всех этих поездок по Тайландам можно было бы скопить денежек, купить под Москвой дачку и посадить там лук. Уж куда полезнее, чем лететь за тридевять земель, когда можно одновременно загорать и пропалывать овощи на любимом огороде. И красота, и польза в дом.

Олег еще промычал что-то о душевной открытости, о том, как девушка любила свою семью и всех своих друзей, и, разумеется, с этим было тоже трудно не согласиться. Вот ведь насколько эффективной показала себя магия кельтов.

После друида пришла очередь Вельзевула. Сергей Мышкин, сатанист-чернокнижник, любил проводить свои зрелищные ритуалы на полу. Поэтому стул напротив диванчика был убран, а осветительная лампа поставлена в метре от платформы, прямо напротив гостей.

Лера, услышав звонок на всем этаже и слова Романа в ухе, ввела участника проекта в большой зал. Мышкин, как полагается, пришел не один, а с козлом, точнее, с его черепом. По словам Вельзевула, еще будучи маленьким ребенком он мог слышать голоса животных, особенно коз, которые делились с мальчиком различного рода информацией: где мамино кольцо потерялось, какой сосед завтра умрет в автомобильной катастрофе, что случилось с пропавшей собакой друзей... Так как большую часть своего детства Сережа провел в деревне, общение

с козами было обильным и результативным. Когда Мышкину исполнилось 14, его родители переехали в Москву, хотя и довольно далеко от центра. Мальчик перестал разговаривать с козами и забыл про свой удивительный дар, пока в ночь после своего 18-го дня рождения во сне к нему не пришел сам Дьявол. Он напомнил Сергею о его миссии: слушать животных, помогать людям во имя Сатаны, ибо его рисуют зачастую негативным персонажем во всей Библейской Истории. А зря. Люцифер хотя и наказывает грешников, но людям честным и добрым помочь не против – через своих последователей, которые, словно радиопроигрыватели, находят нужную волну информационного поля и слышат ответы на свои вопросы. Помощники Дьявола, люди немногочисленные, обладающие особенным талантом говорить с рогатыми животными, обязаны почитать своего покровителя – первого падшего Архангела, Сатану.

Но проводить ритуалы на территории города Москвы вместе с живым козлом довольно проблематично, поэтому вместо живого существа пришлось перейти на давно умершее. Но этот факт нисколько не искажает суть ответа, так как радиоприемник, которым фактически служит череп рогатого, все равно один и тот же.

Лера, снова встав за спиной Романа, с ненавистью смотрела на череп животного. Мышкин пришел на проект с уже имеющимся «радиоприемником», но две недели назад левый рог сломался. На суперклее рог держаться совершенно отказывался. Вельзевул, разумеется, не мог показаться на экране с дефектным оборудованием. Как назло, случилось это за день до съемок. Поэтому Лере было дано всего 24 часа, чтобы достать для чернокнижника новый козий череп. Почему сам сатанист не мог связаться со своим собственным поставщиком черепов, Донской спрашивать было не велено. Лера сначала искала нужный объект в интернете, а потом, по совету коллег, поехала на рынок мяса. Там, в куче продавцов, нашелся один, у кого как раз дома завалялась парочка голов, только все еще довольно свежих. Валерия, обещавшая заплатить любые деньги (спасибо казенной кредитной карточке от проекта), уже дома у продавца выбрала ту голову, у которой рога были длиннее и крученее всех остальных.

Вернувшись в студию, Лера снова проверила интернет, в котором утверждалось, что для удаления мяса от кости голову надо сварить. Сбегав в супермаркет на углу, Донская притащила нужного размера кастрюлю, засунула туда несчастного Борьку (так при жизни звали козла) и поставила его на печку на кухне в редакции. Варился Борька часа четыре, пока вонь от сего процесса не заставила всех сотрудников сбежать домой. Несмотря на смрад от данной процедуры, задание Калинина было выполнено с блеском. Ненавистный Вельзевул получил новый, сверкающий от чистоты череп рогатого животного.

Мышкин, одетый во все черное, с нанизанными на пальцы серебряными кольцами и болтающейся на цыплячьей шейке дюжиной цепей разного калибра, в одной руке держал Борьку, а в другой – мешочек со своим добром. Участник остановился перед платформой, прямо под лампой. Он холодно смотрел перед собой, казалось, даже не замечая гостей проекта.

Самир откашлялся и представил перед Мышкиным его задачу, снова указав на фото Виктории. Парень осторожно положил свои вещи на пол, взял снимок со столика и вернулся обратно. Встав на колени, он положил изображение на пол и поставил череп козла прямо перед собой. Затем Вельзевул выудил из мешочка кинжал, который эффектно сиял в свете ламп. Кинжал был отлит из цельного куска светлого металла и выглядел так, будто был сделан из чистого серебра.

Мышкин что-то промычал про себя, затем закрыл глаза и медленно, чтобы камера успела заснять все детали, проткнул кожу левого указательного пальца кинжалом.

Анна и Ирина Васильевна охнули от неожиданности, хотя Мышкин прокалывал свои пальцы каждую серию. Клавдия Захаровна тоже сочувственно захахала. Хамматов с явным удовольствием и полуоскалом наблюдал за нелепым театральным представлением чернокнижника.

Кровь из пальца закапала прямо на фото, и Лера про себя похвалила Свету, свою коллегу, которая именно из-за Вельзевула теперь распечатывала несколько копий выбранного для эпизода снимка. После выступления Мышкина это изображение придется выкинуть и поменять его на новое, не замаранное кровью сатаниста.

Обхватив череп Бориса ладонями, Вельзевул поднял его и поднес к своему лбу. Помычав еще какое-то время, парень затих. Его глаз и лица видно не было.

– Ваша дочь умерла не так давно, душа ее еще не успела уйти из этого мира навсегда, – наконец-то сказал Мышкин, и тон его был лишен всяких эмоций, – где-то месяца три назад.

Женщины, порядком уставшие от просиживания на маленьком диванчике, оживились. Наконец-то, им послышались факты. Неоспоримые факты, которые угадать было бы определенно тяжело.

– Да, – прошептала Ирина Васильевна и ее глаза засияли на свету. Оператор навел объектив на ее покрасневшее от сложных эмоций лицо.

– Она не хотела уходить, но ее заставили, – объявил участник ледяным тоном и, опустив череп вниз, устремил свои глаза куда-то в даль, – тот, кто забрал у нее жизнь, еще заплатит за свои поступки, но для вас нет необходимости знать о его личности.

Анна замотала головой, оспаривая это мнение. Мать Вики пристально наблюдала за парнем, будто боясь пропустить любой звук, произнесенный им.

– Не беспокойтесь, ваша дочь не будет одна в мире Мертвых, она будет с отцом, – проговорил Вельзевул и опустил свой взгляд на череп козла.

– Господи боже, – с искренним изумлением в голосе подтвердила Клавдия Захаровна, вскинув руки ладонями вверх – а ведь правда, Ленька Крыгин, Иркин муж, умер десять лет назад, от сердечного приступа. Это ж надо, а? Это ведь никто знать-то не мог, никто!

Лера краем глаза наблюдала за искренней реакцией бабушки. Никто знать не мог, кроме самой семьи Крыгина, соседей во всем доме, друзей и знакомых всех вышеперечисленных, сотрудников проекта «Третий Глаз» и администрации Первомайского района поселка Жуковский.

Чернокнижник вытащил из мешочка тоненькую черную свечу и зажег ее, потом снова встал на колени. Покапав воском на фото Виктории, он исподлобья глянул на женщин.

– Зачем нас обвиняете? Никто из моего народа не прикасался к вашей дочери.

Клавдия Захаровна открыла рот и застыла в таком положении. У Анны и ее матери была похожая реакция. Они в полном оцепенении глазели на черную свечку конкурсанта.

– Знаки, вырезанные на ее груди – это не наш почерк. Истинные сатанисты не режут людей, Дьяволу такое служение не нужно.

Лера была уверена, что на этом моменте при монтаже поставят снимок Добычиной, сделанный криминальным фотографом – тот, что прилагался к официальному делу. Увеличат площадь под ключицей, добавят звуковой эффект, который сначала согласуют с Калининым, разумеется. Будет очень эффектно. Прямо голливудский фильм.

Мышкин так и остался стоять на коленях, держа в руках горящую свечу, воск с которой капал на фото, смешиваясь с кровью чернокнижника.

– Ну так, господин Вельзевул, – чопорно обратился к участнику актер, разводя руками, – как же вы можете помочь нашим гостям? Где им искать убийцу?

– Я уже сказал, искать не нужно, имя вам его ничего не скажет, – повторил сатанист, но на этот раз менее театрально, с толикой явного раздражения.

– Может быть, вашему покровителю маловато крови? – уточнил Хамматов. – Давайте я помогу. Который палец вам отрубить?

– Самир, – Роман предостерегающе заговорил в рацию, не отрывая глаз от мониторов, – полегче. Он идиот, но все-таки участник. Давай снимем все одним дублем, я тебя умоляю.

Лера глубоко вздохнула. По закону жизни на площадке всегда найдется хотя бы один конкурсант, который будет во всем видеть унижение собственных прав. Или свет выставлен плохо именно во время его выступления, или оператор не захотел найти выигрышного для него идеального лица ракурса. Либо микрофон дали сломанный и ничего из им сказанных слов слышно не было.

Однако в этом сезоне отношения между ведущим проекта и Сергеем Мышкиным прияли более серьезный характер. С самой первой их встречи всем стало понятно, что разнимать Хамматова и сатаниста придется на каждой съемке. Самир, понимающий суть шоу, не судил конкурсантов строго. Не все участники имели театральный талант или соответственное образование, но возмешали этот недостаток недюжим энтузиазмом и желанием закончить съемки в любом виде: болезненном, усталом или даже голодном. Отношение у большинства ясновидящих к передаче было вполне ясное: показать себя в телевизоре, продемонстрировать свои способности и уйти с проекта с высоко поднятой головой, чтобы пожинать плоды своей экранной самодеятельности в своих сугубо личных интересах. Интересы у всех были разные: кто-то хотел открыть свою ясновидящую контору, кто-то хотел идти на другие телепроекты, а кто-то мечтал начать свою линию нижнего белья или косметики. Ты ведь только брось клич после мелькания на одном из самых прибыльных и популярных проектов российского телевидения. Уж один или два инвестора найдутся точно. Кто же откажется носить трусы со сжижающей жиры во всех чакрах энергетикой Ирмы Чжоу? Тут и думать лишний раз не надо, только найти дешевую фабрику белья в Китае, напечатать упаковку с фото неподражаемой Ирмы в этих самых трусах и продавать их по всей матушке России через интернет-магазин.

Все участники «Третьего Глаза» хотели дойти до последнего эпизода и выиграть главный приз – статуэтку хрустального глаза размером с ананас. Но многие знали, что им сделать этого не получится. Однако серьезно расстраиваться по этому поводу и посыпать голову пеплом решались единицы. В числе данных единиц находился Сергей Мышкин. Вся его театральная чернота хотя и была очевидна для любого сотрудника проекта, все же местами была реальной и ощутимой. Валерия была бы счастлива, если бы Мышкин на самом деле служил Дьяволу, это смогло бы объяснить тот факт, насколько отталкивающим и неприятным присутствие этого человека находили почти все вокруг. Будто внутри Мышкина был помещен какой-то радиоактивный элемент, отравляющий любую положительную эмоцию в других людях. С ним не хотелось говорить, его не хотелось слушать, но парня совершенно точно очень хотелось заколоть его же собственным ритуальным кинжалом.

К сожалению, зрители тоже ощущали разрушительную энергику сатаниста, несмотря на то, что он раз за разом говорил верную информацию. Голосов оставить парня на проекте в конце каждой недели было все меньше и меньше. Хамматов, уловив данную отторгающую особенность в чернокнижнике, не мог сдерживать себя в попытках уесть Мышкина и его необъяснимую любовь постоянно резать себе пальцы. Вельзевул за словом в карман не лез, и хотя зачастую все эти перепалки вырезались при монтаже, потраченные нервы съемочной группе восстановить не мог никто, даже сам Люцифер и череп козла Бориса.

Мышкин медленно поднялся с колен, кровь тоненькой струйкой текла с его левой руки и капала прямо на пол.

– Вы закончили ваш ритуал? – с учтивым спокойствием поинтересовался актер. Он решил, что шутить с сатанистом сегодня больше не стоило. Хамматов был уставший, хотел поскорее закончить с этим конкурсом, поехать домой и принять горячий душ.

Мышкин перевел свой сияющий очевидной ненавистью взгляд с ведущего на Анну и Ирину Васильевну.

– Ваша дочь, Виктория, сделала в своей жизни много ошибок. Она раскаивается в своем поведении, особенно в том, что прятала от своей сестры ее кукол.

Анна вздрогнула и схватила руку матери. Ее губы задрожали.

– В том, что часто забывала кормить вашего кота Нерона.

Ирина Васильевна закрыла глаза руками. Тело затряслось в беззвучных рыданиях.

– За то, что в 10 классе она взяла ваше любимое платье и перешла его на свой размер.

– Красивое такое было платье, малиновое, – произнесла Клавдия Захаровна, – итальянское. Ирка ревела неделю.

– Вика просит прощения. Говорит, что любит вас. Просит передать ее мужу, чтобы он не забывал поливать ее любимую герань.

Обе женщины утерли раскрасневшиеся глаза.

– Спасибо, – еле съязнилась Ирина.

Мышкин кивнул, положил кинжал и свечки обратно в мешочек, взял с собой Бориса и развернулся обратно к двери.

Послышался звонок. Следующей участницей по жребию была Захиб.

Донская прошла вместе с Вельзевулом в малый зал. Согласно контракту, телеканал «Весенний» обязан предоставить конкурсантам посильную медицинскую помощь при несчастных случаях. Хотя Мышкин заставил себя кровоточить не случайно, допустить того, чтобы его сатанинские раны подверглись инфекции, было неприемлемо для шоу и начальства канала.

Чернокнижник был осведомлен об этом правиле и вежливо позволял девочкам на побегушках и редакторам обрабатывать его драгоценные царапины, будто они были знаком почета от победы на войне. Валерия достала аптечку из шкафа над раковиной и выудила из ящичка с крестом на крышке антибактериальную салфетку и пластины.

Прежние участники сидели за разными столиками и занимались своими делами. Подписанный контракт также запрещал им размещать фото и информацию о съемках, чтобы не сорвать премьеру новых эпизодов. Клеопатра вяло беседовала с Артуром, попивая кофе. Сергей Друид принес с собой книжку и каждые пару минут отрывался от чтения, чтобы проверить сообщения в телефоне.

Мышкин тоже присел, не сводя глаз с мониторов.

– Эй, ты, – крикнул он одной из девушек, которая дежурила в малом зале, дабы оказывать всевозможную подмогу пришедшему со съемок ясновидцам, – как тебя?

– Алла, – несколько обиженно отозвалась девушка, – вы уже спрашивали. На прошлой неделе. И до этого тоже.

– Ага, Алла, кофе сделай мне, – по-барски приказал сатанист, пока Валерия заклеивала его производственную рану пластырем.

– «Сделай мне кофе, *пожалуйста*», – передразнивая Мышкина, обидчиво пробубнила себе под нос девушка и достала кружку для хама.

Внезапно Валерии очень захотелось протереть порезанный палец сатаниста не салфеткой, а перцем. Убрав аптечку на свое место, Донская встала позади всех, облокотившись на стенку спиной.

Снова звонок. Захиб вместе со Светой, еще одним младшим редактором, вошли в помещение. Лера знала, что Светлана уже успела протереть кровавое пятно на полу. Регина Нургалиева сегодня была одета в легкую шелковую темно-синюю блузочку свободного покроя и темные джинсы. Макияжа на женщине, которой только недавно исполнилось 38, было ровно столько, чтобы выделить все достоинства, которыми наградила ее природа: темно-карие глаза, высокие скулы, красиво очерченные губы. Темный лак на ногтях, несколько колец с камнями, по виду напоминающими какие-то ценные кристаллы. Никаких массивных цепей не шее, которыми можно сдерживать диких лошадей. Никаких черепов рогатых животных. Даже свечами Регина никогда не пользовалась.

Как только ее сосредоточенное лицо оказалось на одном из мониторов, все разговоры в малом зале прекратились. Олег отложил свою книгу. Клеопатра приставила указательный

палец к своим алым губам и с важностью указала на один из телевизоров. Раджешь понятливо кивнул ей в ответ.

«Это же надо, – пронеслось в голове у Леры, – обычно, разделавшись со своей частью съемки, конкурсанты теряли интерес ко всему процессу и с раздражением ждали заключительного сегмента, по окончании которого они смогут вернуться обратно в гостиницу или домой». Однако при выступлении Регины все головы были повернуты в ту сторону, где находился монитор. Что-то необычное было в этой женщине, чарующее, тонкое, непонятное. Она никогда не пыталась сделать из своего выступления шоу, не таскала с собой побрякушки или карты. У нее не было захватывающей легенды, объясняющей ее дар. Согласно словам самой Захиб, она просто хотела помочь людям. По образованию она учитель рисования и черчения, но, к сожалению, работать в современных школах для Захиб не вариант. Не то, чтобы она не любила детей, просто помогать она хотела по-другому. Поэтому это желание выразилось в иной сфере. Пусть зрители решают, насколько она достойна выиграть хрустальный глаз. Иногда Захиб ошибалась, но чаще всего попадала в яблочко, и тогда как с другими участниками все было совершенно ясно, с Региной все было очень размыто. Валерия редко интересовалась, какие конкретно факты из досье жертвы были переданы разным конкурсантам. Решение это, как и 99 % остальных решений на проекте, принимал сам Калинин. Именно он, согласно своим же алгоритмам, распределял информацию так, чтобы динамика шоу оставалась интересной и занятной для зрителей. Лера теперь, спустя несколько лет работы на проекте, могла сосчитать количество фактов и догадок в представлении любого из конкурсантов. Но Захиб оставалась тайной даже для Донской.

Алла подала кофе Мышкину и тот, с неким наслаждением от своей важности, жестом дал понять девушке, что она свободна. Алла, поджав от досады губы, вышла из кухни, приоткрыв на секунду дверь в коридор.

«Странное дело, – подумалось Лере, – Калинин снова был на съемочной площадке». Донская прикрыла глаза в попытке вспомнить, присутствовал ли генпродюсер тут в прошлый раз. Да. И за неделю до этого тоже. Если вдуматься, Виталий Михайлович всегда мелькал то тут, то там при съемках последнего сезона.

На экране тем временем актер рассказал, что требовалось от участницы в этом эпизоде. Захиб понимающе кивнула и села напротив Анны и ее матери. Женщины были уже порядком уставшие от переживаний и разочарований, подаренных предыдущими ясновидцами с их молчаливыми богами.

Регина просто смотрела на женщин – отрешенно, без тени эмоций. Клавдия Захаровна, пробормотав «Ну вот, наконец-то», сняла очки с круглыми линзами, протерла их краем своей вязанной кофты и, осторожно поставив их обратно себе на нос, мизинцем пододвинула их ближе к переносице.

Нургалиева направила свой изучающий взор на снимок, нахмурив брови и лоб, будто пытаясь увидеть там ответы. Через несколько минут Захиб наклонилась вперед, осторожно взяла правую ладонь Ирины Васильевной в свои руки. Она стала говорить мелодично и ровно, будто пела песню:

– Вашей девочки в живых больше нет. Она покинула Вас навсегда, но вы каждый день боретесь с решением принять этот факт и позволить ему навсегда изменить вашу жизнь. Ваша дочь была красивым человеком не только снаружи, но и внутри.

Кристаллы слез снова образовались в уголках глаз на изнуренном лице матери. Она опустила лицо вниз, стесняясь прилива новых чувств.

– Она любила вас и свою сестру, – Захиб перевела взгляд на Анну и та закусила губу, чтобы болью отвлечь тело от рыданий, – она была лучиком радости для всех вас. Она любила жить, путешествовать и смеяться. Иногда она расстраивала Вас своим поведением, которое казалось вам детским и чересчур незрелым для ее возраста, но таков был ее путь. Как каждому

человеку на этой планете, ей нужно было совершать ошибки, чтобы найти себя. Простите ее за это. Она так поступала не для того, чтобы специально расстраивать вас. Как ее звали? – спросила Захиб.

– Виктория, – ответил за мать актер. Он тоже слушал конкурсантку внимательно и с живым интересом.

– Виктория, – растягивая по слогам, с намеком на улыбку повторила Регина, – победительница. И она была верна своему имени, верно? Временами ввязываясь в дурные истории, она выходила сухой из воды.

Анна и ее мать одновременно закивали. От резких движений их слезы капали с лица, будто крошечный дождик.

В малом зале было тихо. Все присутствующие жадно всматривались в тот экран, где было видно спокойное, почти умиротворенное лицо Захиб.

– Какая чушь, – услышала Валерия и вздрогнула от резкого звука этих слов, – что она несет?

Вельзевул откопал кусочек чека в кармане своих черных штанов, скомкал его и бросил в экран.

– Ни хрена не сказала, ни одного факта!

– Замолкни, – сердито отреагировала Клеопатра.

– Сама замолкни, мымра египетская, – зашипел Мышкин в ответ. Городкова ахнула, а в сторону сатаниста повернулись Артур и Олег.

– Проблемы? – осведомился Друид и Валерия не смогла сдержать довольную улыбку. Олег хоть и был довольно посредственным в общении с кельтскими духами, но набить морду мог вполне неплохо. Физический труд на протяжении нескольких лет наградил Серого широкими плечами и мышцами в тех местах, где они были необходимы не только для слесарных работ, но и для причинения боли тем, кто был груб с дамами.

Мышкин задумался на секунду, потом огляделся вокруг:

– Маша-Даша? Ты где?

Девушка с измученным вздохом подошла к чернокнижнику.

– Алла я. Что вы хотели?

– Мы хотели что-нибудь пожевать. Принеси-ка мне орешков.

Два года назад одним из официальных спонсоров проекта стала компания «Дары Тайги», которая щедро снабжала редакцию своими изделиями. Хотя компания производила около десятка видов перекусов, сотрудники шоу были одарены лишь двумя: греческие орешки с кусочками шоколада и миндаль с изюмом. Бесконечные пакетики «Даров» можно были легко найти на кухне, в малом зале и даже в кабинете Калинина. Единственным, кто не лакомился «Дарами», был Хамматов – его излюбленным лакомством были сушеные фрукты, в частности, бананы и манго.

Алла послушно подала упаковку сатанисту. Валерия попыталась сосредоточиться на выступлении Захиб. Пока Мышкин терроризировал всех окружающих своим похабным характером, Ирина Васильевна достала папку из-за спины и вытащила снимок Вики с кровавыми разрезами.

Захиб бережно взяла фото за бока. Ее лицо исказилось от увиденного.

Валерия снова со смесью печали и стыда подумала о том, что давно не испытывала таких явных эмоций от фотографий, где была запечатлена смерть. Неужели это нормально, видеть такие вещи и задаваться лишь одним вопросом: как будет данное изображение смотреться на экране? Нужно ли что-то стереть? Хорош ли ракурс? Надо ли что-то прикрыть мозаикой?

– Это было преступление страсти, – наконец-то заговорила ясновидящая, – она знала своего убийцу. Эти знаки у нее на груди имеют колоссальное значение для убийцы. Личного, интимного характера.

Черт!

Валерия нервно сложила руки на груди.

«Не нужно идти в ту сторону, я же обещала Максу, что линию с Липовым я оставлю в покое». Именно поэтому фото троицы не нашло места в досье Добычиной, так же как и большая часть разговора с Осиповой.

– Вика если и сопротивлялась, то совсем недолго. Она, вероятнее всего, не ожидала того, что он причинит ей физическую боль. Думала, что дальше разговора и выяснений отношений не зайдет.

«Захиб, остановись», – мысленно попросила Лера.

Краем глаза Донская заметила, что Мышкин на секунду оглянулся и кинул пакетик «Даров» в стоящую неподалеку Аллу. Девушка от неожиданности отпрыгнула в сторону и с немым изумлением уставилась на сатаниста. Валерия тоже вздрогнула от столь странного поведения чернокнижника.

– Я тебе еще на прошлой неделе говорил, что ненавижу изюм! – гаркнул Мышкин, – ненавижу изюм, неужели так трудно включить мозги на работе!

– Успокойся, – снова послышался спокойный голос Друида, который даже не потрудился повернуться к хаму, – а то сверну рога и тебе, и твоему козлу.

– Сам ты козел, – промычал Мышкин настолько тихо, что никто из окружающих это не услышал, но достаточно громко, чтобы спасти побитое самоуважение.

Тем временем, на мониторах было отчетливо видно, что женщины из семейства Крыгиных были в трансе воспоминаний. Они еле заметно кивали в такт словам ясновидящей, смотря куда-то вдаль. Захиб снова дотронулась до запястья Ирины Васильевны в попытке вернуть ее в настоящее, хоть и такое несчастное:

– Задайте себе следующий вопрос: была бы Вика рада видеть вас в таком состоянии? Вы словно обитаете в параллельном мире: не живая, не мертвая. Перестали за собой следить, мало спите, не занимаетесь тем, что раньше приносило вам радость. Посмотрите на себя, – Нургалиева с явным сожалением покачала головой. Сам того не замечая, ведущий сделал тоже самое, полностью погруженный в эту интимную беседу, – вы ведь красивая женщина. Вы еще так молоды, полны сил. У вас есть еще одна дочь, которая тоже нуждается в вашем внимании.

Ирина Васильевна перевела удивленный взгляд на Анну, будто только что увидела ее в совершенно новом свете. Анна стыдливо опустила глаза в пол.

– То, что случилось, теперь в прошлом. Вместо того, чтобы мучиться, скажите спасибо, что оно было. То, что должно произойти, произойдет в любом случае. Такова была дорога Виктории. Видите, вон там? – Захиб ладонью указала на огромную вазу, что стояла в углу зала, – этой вазе стало суждено разбиться в тот момент, когда ее сделал мастер. Раскрашивая ее круглые бока, награждая ее своим талантом и вниманием, хотел ли мастер думать о том, что придет день, когда эта чудесная вещь расколется на тысячу кусочков? Нет, но такова судьба всех ваз на свете.

На лице актера отразилась куча эмоций, но задумчивое размыщение обо всем только что услышанном было заметнее всего. Лера чуть заметно улыбнулась. Не нужно общаться с духами или вызывать Дьявола, чтобы понять основную концепцию буддизма.

– Но Викочка… Кто же ее убил-то… Как же нам дальше, – мать попыталась связать свою мысль в понятное предложение, но потерпела поражение.

– Вам необходимо отказаться от алгоритма «Только если». Только если найдут убийцу Вики, я буду счастлива. Только если его посадят на электрический стул, я смогу жить дальше. Только если я плону ему в лицо, я смогу спокойно умереть.

Ирина Васильевна закивала головой, выражая явное согласие со всеми этими утверждениями.

— А тем временем — начала Захиб так, словно говорила с ребенком, который не мог понять сути простейших вещей, — ваша дочь живет в печали. О вас и о своей сестре. Вы добровольно ставите на себе крест? Хотите принести себя в жертву какой-то невидимой и недосягаемой мести? Я ведь не говорю о том, что вам нужно забыть про Вику. Конечно, нет. Распечатайте ее фотографии, повесьте их в доме. Отмечайте ее день рождения. Пересматривайте ее любимые фильмы. Но вместе того, чтобы перед сном повторять «Я несчастна оттого, что ее больше нет в живых», попробуйте «Я благодарна за то, что она была моей дочкой». Вика больше никогда к вам не вернется, но она навсегда останется с вами. Как ваза, она раскололась на миллион кусочков. Но вы-то живы. Продолжайте жить так, чтобы она была рада, наблюдая вас вами. Она хочет, чтобы вы были счастливы и благодарны за каждый прожитый день.

Клеопатра попыталась незаметно утереть назревшую слезу. Артур, увидев это, дружески похлопал ее по спине. Алла тоже всхлипнула. Валерия, почувствовав явное облегчение от того, что Захиб перестала анализировать фото убитой девушки, шумно выдохнула и налила себе из-под крана холодной водички. Лица Мышкина редактор не видела, но была уверена, что на нем находилась маска презрения и ненависти. Оно понятно. Сатанист назвал минимум 4 факта, пестрящих поразительными деталями, включая имя кота и любимого растения Добычиной. Нургалиева же... Помогла Крыгиной другим способом, без надобности перечисления подробностей о жизни Вики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.